

Анджей Сапковский

ВЕДЬМАК

Последнее желание

Иллюстрации Дениса Гордеева и Александра Продана

Сапковский с иллюстрациями

Анджей Сапковский

Ведьмак. Последнее желание

«АСТ»

«АСТ»

1993

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Ведьмак. Последнее желание / А. Сапковский — «АСТ», «АСТ»,
1993 — (Сапковский с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-090841-7

Книгой «Последнее желание» начинается один из лучших циклов в истории жанра фэнтези. Семь новелл о ведьмаке Геральте из Ривии, его друзьях и возлюбленных, о его нелегкой «работе» по истреблению всякой нечисти, о мире, населенном эльфами, гномами, оборотнями, драконами, и, конечно, людьми – со всеми их страстями, пороками и добродетелями. Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но в универсуме компьютерных игр. Аудитория пана Анджея неуклонно расширяется, и мы рады содействовать этому, выпустив первую книгу о Ведьмаке с иллюстрациями, созданными специально для этого издания.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-090841-7

© Сапковский А., 1993

© АСТ, 1993

© АСТ, 1993

Содержание

Глас рассудка I	6
Ведьмак	7
1	7
2	9
3	14
4	17
5	20
6	22
7	26
8	28
Глас рассудка II	29
1	29
2	31
Крупица истины	33
1	33
2	35
3	47
4	48
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анджей Сапковский

Ведьмак. Последнее желание

Andrzej Sapkowski

Ostatnie Zyczenie

Печатается с разрешения автора и литературного агентства NOWA

Publishers при содействии Агентства Александра Корженевского

Copyright © Andrzej Sapkowski, 1993

© Е.П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глас рассудка I

Она пришла под утро.

Вошла осторожно, тихо, бесшумно ступая, плывя по комнате, словно призрак, привидение, а единственным звуком, выдававшим ее движение, был шорох накидки, прикасавшейся к голому телу. Однако именно этот исчезающе тихий, едва уловимый шелест разбудил ведьмака, а может, только вырвал из полусна, в котором он мерно колыхался, словно погруженный в бездонную топь, висящий между дном и поверхностью спокойного моря, среди легонько извивающихся нитей водорослей.

Он не пошевелился, даже не дрогнул. Девушка подпорхнула ближе, сбросила накидку, медленно, нерешительно оперлась коленом о край ложа. Он наблюдал за ней из-под опущенных ресниц, не выдавая себя. Девушка осторожно поднялась на постель, легла на него, обхватила бедрами. Опираясь на напряженные руки, скользнула по его лицу волосами. Волосы пахли ромашкой. Решительно и как бы нетерпеливо наклонилась, коснулась сосочком его века, щеки, губ. Он улыбнулся, медленно, осторожно, нежно взял ее руки в свои. Она выпрямилась, ускользая от его пальцев, лучистая, подсвеченная и от этого света нечеткая в туманном отблеске зари. Он пошевелился, но она решительным нажимом обеих рук остановила его и легкими, но настойчивыми движениями бедер добилась ответа.

Он ответил. Она уже не избегала его рук, откинула голову, встряхнула волосами. Ее кожа была холодной и поразительно гладкой. Глаза, которые он увидел, когда она приблизила свое лицо к его лицу, были огромными и темными, как глаза русалки.

Покачиваясь, он утонул в ромашковом море, а оно взбурлило и зашумело, потеряв покой.

Ведьмак

1

Потом говорили, что человек этот пришел с севера, со стороны Канатчиковых ворот. Он шел, а навьюченную лошадь вел под уздцы. Надвигался вечер, и лавки канатчиков и шорников уже закрылись, а улочка опустела. Было тепло, но на человеке был черный плащ, накинутый на плечи. Он обращал на себя внимание.

Путник остановился перед трактиром «Старая Преисподняя», постоял немного, прислушиваясь к гулу голосов. Трактир, как всегда в это время, был полон народу.

Незнакомец не вошел в «Старую Преисподнюю», а повел лошадь дальше, вниз по улочке к другому трактиру, поменьше, который назывался «У Лиса». Здесь было пусто – трактир пользовался не лучшей репутацией. Трактирщик поднял голову от бочки с солеными огурцами и смерил гостя взглядом. Чужак, все еще в плаще, стоял перед стойкой твердо, неподвижно и молчал.

– Что подать?

– Пива, – сказал незнакомец. Голос был неприятный.

Трактирщик вытер руки полотняным фартуком и наполнил шербатую глиняную кружку.

Незнакомец не был стар, но волосы у него были почти совершенно белыми. Под плащом он носил потертую кожаную куртку со шнуровкой у горла и на рукавах. Когда сбросил плащ, стало видно, что на ремне за спиной у него висит меч. Ничего странного в этом не было, в Вызиме почти все ходили с оружием, правда, никто не носил меч на спине, словно лук или колчан. Незнакомец не присел к столу, где расположились немногочисленные посетители, а остался у стойки, внимательно изучая взглядом трактирщика.

– Ищу комнату на ночь, – проговорил он, отхлебнув из кружки.

– Нету, – буркнул трактирщик, глядя на обувь гостя, запыленную и грязную. – Спросите в «Старой Преисподней».

– Я бы хотел здесь.

– Нету. – Трактирщик наконец распознал выговор незнакомца. Ривянин.

– Я заплачу, – тихо и как бы неуверенно сказал чужак.

Тогда-то и началась эта паскудная история. Рябой верзила, с момента появления чужака не спускавший с него угрюмого взгляда, встал и подошел к стойке. Двое из его дружков встали шагах в двух позади.

– Ну, нету же местов, шпана ривская, – гаркнул рябой, подходя к незнакомцу вплотную, – Нам тут, в Вызиме, такие ни к чему. Это порядочный город.

Незнакомец взял свою кружку и отодвинулся. Взглянул на трактирщика, но тот отвел глаза. Он и не думал защищать ривянина. Да и кто любит ривян?

– Что ни ривянин, то ворюга, – продолжал рябой, от которого несло пивом, чесноком и злобой. – Слышь, что говорю, недоносок?

– Не слышит он, уши-то дерьмом забил, – промямлил один из тех, что стояли позади. Второй захохотал.

– Плати и выматывайся, – рявкнул рябой.

Только теперь незнакомец взглянул на него.

– Пиво допью.

– Мы те подмогнем, – прошипел дылда. Он выбил у ривянина кружку и, одновременно схватив одной рукой плечо, впился пальцами другой в ремень, пересекающий наискось грудь чужака. Один из стоявших позади размахнулся, собираясь ударить. Чужак развернулся на

месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик. Кто-то из гостей кинулся к выходу. С грохотом упал стол, глухо шмякнулась об пол глиняная посуда. Трактирщик – губы у него тряслись – глядел на чудовищно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже. В воздухе дрожал, ввинчиваясь в мозг, тонкий, истошный крик женщины. Трактирщик затрясся, хватил воздуха, и его начало рвать.

Незнакомец отступил к стене. Сжавшийся, собранный, чуткий. Меч он держал обеими руками, вода острием по воздуху. Никто не шевелился. Страх, как холодная грязь, облепил лица, связал члены, заткнул глотки. В трактир с шумом и лязгом ворвались трое стражников. Видимо, находились неподалеку. Обернутые ремнями палицы были наготове, но, увидев трупы, стражи тут же выхватили мечи. Ривянин прильнул спиной к стене, левой рукой вытащил из-за голенища кинжал.

– Брось! – рявкнул один из стражников дрожащим голосом. – Брось, бандюга! С нами пойдешь!

Второй толкнул стол, мешавший ему зайти ривянину сбоку.

– Жми за людьми, Чубчик! – крикнул он тому, что стоял ближе к двери.

– Не надо, – проговорил незнакомец, опуская меч. – Сам пойду.

– Пойдешь, пойдешь, сучье племя, только на веревке! – заорал тот, у которого дрожал голос. – Кидай меч, не то башку развалю!

Ривянин выпрямился. Быстро перехватил меч под левую руку, а правой, выставив ее в сторону стражников, начертил в воздухе сложный знак. Сверкнули набивки, которыми были густо покрыты длинные, по самые локти, манжеты кожаной куртки.

Стражники моментально отступили, заслоня лица предплечьями. Кто-то из гостей вскочил, другой помчался к двери. Женщина снова завопила. Дико, пронзительно.

– Сам пойду, – повторил незнакомец звучным металлическим голосом. – А вы трое – впереди. Ведите к ипату. Я дороги не знаю.

– Да, господин, – пробормотал стражник, опустив голову, и, робко озираясь, двинулся к выходу. Двое других, пяясь, вышли следом. Незнакомец, убрав меч в ножны, а кинжал за голенище, пошел за ними. Когда они проходили мимо столов, гости прикрывали лица полами курток.

2

Велерад, ипат Вызимы, почесал подбородок и задумался. Он не был ни суеверен, ни трусоват, но перспектива остаться один на один с белоголовым его не прельщала. Наконец он решился.

– Выйдите, – приказал стражникам. – А ты садись. Нет, не тут. Туда, подальше, если не возражаешь.

Незнакомец присел. При нем уже не было ни меча, ни черного плаща.

– Слушаю, – сказал Велерад, поигрывая тяжелой булавой, лежащей на столе. – Я Велерад, ипат, то бишь – градоправитель Вызимы. Что скажешь, милсдарь разбойник, прежде чем отправиться в яму? Трое убитых, попытка навести порчу – недурственно, вовсе недурственно. За такие штучки у нас в Вызиме сажают на кол. Но я – человек справедливый, сначала выслушаю. Говори.

Ривянин расстегнул куртку, извлек из-под нее свиток из белой козловой кожи.

– Это вы на дорогах по трактирам приколачиваете, – сказал он тихо. – То, что тут написано, правда?

– А, – буркнул Велерад, глядя на вытравленные на коже руны. – Вон оно дело-то какое. Как же я сразу-то не сообразил. Ну да, правда. Самая что ни на есть правдивая правда. Подписано: Фольтест, король, владыка Темерии, Понтара и Махакама. Ну а коли подписано, стало быть, правда. Но руны рунами, а закон законом. Людей убивать не позволю! Усек?

Ривянин кивнул, – понял, мол. Велерад гневно засопел.

– Знак ведьмачий при тебе?

Незнакомец снова полез за полу куртки, вытащил круглый медальон на серебряной цепочке. На медальоне была изображена ощерившаяся волчья морда.

– Как звать-то? Мне воще-то все равно как, спрашиваю не из любопытства, а для облегчения беседы.

– Геральт.

– Геральт так Геральт. Судя по выговору – из Ривии?

– Из Ривии.

– Так. Знаешь что, Геральт? Об этом, – Велерад хлопнул ладонью по козловой шкуре, – забудь. Выкинь из головы. Это дело серьезное. Многие пробовали. Это, брат, не то что парую другую голодранцев прикончить.

– Знаю. Это моя профессия, милсдарь ипат. Написано: три тысячи оренгов награды.

– Три тысячи, – выпятил губы Велерад. – И принцесса в придачу, как людишки болтают, хоть этого милостивый Фольтест не написал.

– Принцесса мне ни к чему, – спокойно сказал Геральт. Он сидел неподвижно, положив руки на колени. – Написано: три тысячи.

– Ну, времена, – вздохнул градоправитель. – Ну и паршивые же пошли времена! Еще двадцать лет назад кто бы подумал, даже по пьянке, что такие профессии появятся? Ведьмаки! Странствующие убийцы василисков! Ходящие, словно точильщики, по домам истребители драконов и топляков. Геральт? В твоём цехе, ведьмаковском, пиво пить дозволено?

– Вполне!

Велерад хлопнул в ладоши и крикнул:

– Пива! А ты, Геральт, садись поближе. Чего уж там.

Пиво было холодное и пенистое.

– Ну, говорю, времена настали, – снова затянул Велерад, прихлебывая из кружки. – Дерьма всякого развелось. В Махакаме, в горах, нечисть кишмя кишит. По лесам раньше волки выли, а нынче, понимаешь, упыри, боровики всякие, куда ни плюнь – оборотень или какая

другая зараза. По селам русалки да нищенки детей умыкают, уже на сотни счет пошел. Хвори, о каких раньше никто и слыхом не слыхивал. Прямо волосы дыбом встают. Ну и еще это вот, для комплекта! – Он толкнул свиток по столу. – Неудивительно, Геральт, что на вас такой спрос.

– Это, градоправитель, королевское обращение, – поднял голову Геральт. – Подробности знаете?

Велерад откинулся на спинку стула, сплел пальцы на животе.

– Подробности, говоришь? А как же, знаю. Не то чтоб из первых рук, но источники надежные.

– Это мне и надо.

– Уперся, стало быть. Ну, как знаешь. Слушай. – Велерад отхлебнул пива, понизил голос. – Наш милостивый Фольтест, когда еще в принцах ходил, при старом Меделе, показал, на что способен, а способен-то он был на многое. Мы надеялись, что со временем это пройдет. Ан нет. Вскоре после коронации, тут же после смерти прежнего-то короля, Фольтест превзошел самого себя. У всех у нас челюсти отвалились. Короче: заделал дитяtko своей сестрице Адде. Адда была моложе его, они всегда держались вместе, но никто ничего не подозревал, ну разве что королева... В общем, глядь, а Адда уже во-от с таким брюхом, а Фольтест начинает заводить разговоры о свадьбе. С сестрой, понял, Геральт? Положеньице сложилось хуже некуда, а тут аккурат Визимир из Новиграда задумал выдать за Фольтеста свою Дальку, прислал сватов, а нам, понимаешь, хоть держи королька-то нашего за ноги-руки, потому как он вознамерился гнать сватов взащей. Ну, обошлось, и слава богам, иначе-то оскорбленный Визимир кишки б из нас повыпускал. Потом, не без помощи Адды, которая повлияла на братца, нам удалось отсоветовать сопляку без времени в женихи лезть. Ну а тут Адда возьми и роди, в положенное время, а как же. А теперь слушай, потому как тут-то и началось. Того, что выродилось, почти никто и не видел. Ну, там, одна повитуха выскочила в окно из башни и убилась насмерть, другая спятила и до сих пор не отошла. Потому-то я и думаю, что ребеночек, дитяtko королевское, не из красавцев выдался. Девчонка. Впрочем, она тут же померла, никто, сдастся мне, особо не спешил пуповину перевязывать. Адда, на свое счастье, родов не пережила. А потом, братец ведьмак, Фольтест в очередной раз сглупил. Ублюдка-то надо было спалить иль, может, закопать где-нить на пустыре, а не хоронить в саркофаге да упрятывать в подземельях дворца.

– Что теперь рассуждать, – поднял голову Геральт. – Поздно. Во всяком случае, надо было вызвать кого-нибудь из Посвященных.

– Это ты о мошенниках со звездочками на колпаках? А как же! Их сюда с десяток слетелось, но уже после того, как стало ясно, что в том склепе лежит. И по ночам из него вылазит. А вылазить-то начало не сразу, э, нет. Семь лет после похорон жили мы спокойно. А тут однажды ночью, аккурат было полнолуние, во дворце визг, крик, переполох! Да что долго рассусоливать, сам знаешь, оповещение королевское читал. Дитяtko подросло, и неплохо, да и зубки вымахали ого-го! Одним словом, упыриха! Эх, жаль, ты трупов не видел. Как я. Иначе б постарался Визиму стороной обойти.

Геральт молчал.

– И тогда, – продолжал Велерад, – Фольтест скликал к нам целую орду всяческих колдунов. Орали они друг на дружку, чуть не побились своими посохами, которые, видно, носят, чтоб собак отгонять, ежели кто науськает. А науськивают-то, я думаю, регулярно. Ты уж прости, Геральт, ежели у тебя другое мнение о волшебниках. Полагаю, в твоём цеху их тоже немало, но на мой вкус – так это дармоеды и дурни. К вам, ведьмакам, в народе больше уважения и доверия. Вы хоть, как бы это сказать, конкретны, что ли.

Геральт улыбнулся, но смолчал.

– Ну, ближе к делу, – градоправитель, заглянув в кружку, долил пива себе и ривянину. – Некоторые советы этих колдунов казались не такими уж идиотскими. Один, например, предложил спалить упыриху вместе с дворцом и саркофагом, другой посоветовал отрубить ей башку

заступом, остальным больше нравились осиновые колья, которые следовало вбить ей в разные части тела, конечно, днем, когда дьяволица спит в гробу, притомившись после ночных утех. К несчастью, нашелся один шут в колпаке на лысом черепе, горбатый отшельник, который заявил, что все это чары и колдовство, что их можно расколдовать и из упырицы снова получится Фольтестова дочечка, красивенькая как картинка. Надо только отсидеть в подвале всю ночь – и привет, дело в шляпе. После чего – представляешь себе, Геральт, что это был за придурок, – он отправился на ночь во дворец. Как легко догадаться, осталось от него маловато, почитай, только колпак да посох. Но Фольтест вцепился в его идейку, как репей в собачий хвост. Запретил убивать упырицу и изо всех возможных дыр королевства притащил в Вызиму шарлатанов, чтобы те переколдовали ведьму в принцессу. Это была, доложу я тебе, та еще компания. Какие-то скрюченные бабы, хромоножки, грязные, братец, завшивевшие, – страх, да и только. Слезы. Ну и давай они шаманить, в основном над тарелкой и кружкой. Правда, некоторых Фольтест не без помощи Совета расколдовал быстренько, нескольких даже остратки ради повесил на частокале, но маловато, маловато. Я б, к примеру, всех их на шибеницу отправил. Ну, о том, что за это время упырица ухитрилась загрызть кой-кого, наплевав на мошенников и их заклинания, думаю, говорить не приходится. Да и о том, что Фольтест во дворце больше не жил. И вообще никто уже там не жил.

Велерад замолчал, отхлебнул пива. Ведьмак тоже помалкивал.

– Так оно и идет, Геральт, шесть лет уже, потому как ОНО уродилось лет четырнадцать назад. Были у нас за это время и заботы иного характера, подрались мы с Визимиром из Новиграда, но по вполне достойным, понятным причинам, поскольку речь шла о передвижке пограничных столбов, а не о каких-то там доченьках или родственниках узах. Фольтест, кстати, уже начинает снова поговаривать о женитьбе и разглядывать присылаемые соседскими дворами портреты, которые раньше прямым ходом отправлял в отхожее место. Но время от времени на него обратно находит, и он принимается рассылать гонцов на поиски новых колдунов. Ну и награду положил три тысячи, из-за чего сбежалось несколько сумасбродов, странствующих рыцарей, даже один свинопас, известный всей округе недоумок, да будет земля ему пухом. А упырице хоть бы хны. Время от времени загрызет кого. Привыкнуть можно. А от тех героев, что пытаются ее расколдовать, хоть та польза, что бестия нажрется, не отходя от саркофага, и не околачивается за пределами дворцовых служб. А Фольтест живет теперь в новом дворце, вполне приличном.

– За шесть лет, – Геральт поднял голову, – за шесть лет никто не покончил с этим делом?

– Правда твоя. – Велерад проникательно глянул на ведьмака. – Потому, похоже, и сделать-то ничего нельзя. Придется терпеть. Я говорю о Фольтесте, нашем возлюбленном и милостивом монархе, который все еще велит приколачивать свои призывы и обращения на перепутьях. Только вот охотников вроде бы поубавилось. Недавно, правда, объявился один, так он хотел эти три тысячи непременно получить вперед. Ну, посадили мы его в мешок, значит, и кинули в озеро.

– Да уж, жулья хватает.

– Это точно. Их даже, я бы сказал, с избытком, – поддакнул ипат, не спуская с ведьмака глаз. – Потому, когда пойдешь во дворец, не требуй золота авансом. Если, конечно, пойдешь.

– Пойду.

– Ну, твое дело. Только не забудь мой совет. Ну а коли уж мы заговорили о награде, то последнее время людишки стали поговаривать о второй части. Я тебе говорил: принцессу в жены. Не знаю, кто это придумал, но ежели упырица выглядит так, как рассказывают, то шуточка получается невеселая. И все ж таки не было недостатка в дурнях, которые во весь опор помчались во дворец, как только разошлась весть, что появилась оказия затесаться в королевскую родню. Конкретно, два сапожниковых подмастерья. Слушай, почему сапожники такие идиоты, Геральт?

– Не знаю. А ведьмаки, милсдарь градоправитель, пытались?

– Не без того, а как же. Однако чаще всего, узнав, что упырицу надобно не убить, а расколдовать, тут же пожимали плечами и уезжали. Потому-то мое уважение к вашему брату серьезно выросло. Ну а потом приехал один, тебя помоложе, имени не упомянул, если он вообще его называл. Этот пробовал.

– Ну и?

– Зубастая принцесса растянула его кишочки на расстоянии полета стрелы.

Геральт покачал головой.

– Это все?

– Был еще один.

Велерад помолчал. Ведьмак не торопил.

– Да, – сказал наконец градоправитель. – Был. Сначала, когда Фольтест пригрозил ему шибеницей, ежели тот прибьет или покалечит упырицу, он только рассмеялся и стал собирать манатки. Ну а потом...

Велерад снова снизил голос почти до шепота:

– Потом принял заказ. Понимаешь, Геральт, у нас в Вызиме есть пара толковых людей, притом и на высоких должностях, которым вся эта фигня осточертела. Слух прошел, будто эти люди втихую убедили ведьмака не тратить времени на всякие там фигли-мигли и чары, с ходу прибить упырицу, а королю сказать, что, мол, чары не подействовали, что-де доченька свалилась с лестницы – несчастный случай на производстве. Король, известно дело, разозлится, но все кончится тем, что он не заплатит ни орена из обещанной награды. Шельма ведьмак в ответ: дескать, задарма сами на чудовищ ходите. Ну что было делать, скинулись мы, поторговались... Только ничего из этого не получилось.

Геральт поднял брови.

– Ничего, говорю, – сказал Велерад. – Ведьмак не захотел идти туда сразу, в первую же ночь. Лазил, таился, по округе шастал. Наконец, говорят, увидел упырицу, вероятно, в деле, потому что бестия не вылезает из гроба только ради того, чтобы косточки поразмять. Ну, увидел он ее и в ту же ночь слинял, не попрощавшись.

Геральт слегка скривил губы, изобразив некое подобие улыбки.

– У толковых людей, – начал он, – вероятно, целы те деньги? Ведьмаки вперед не берут.

– Ну да, – проговорил Велерад. – Вероятно, целы.

– И сколько там? По слухам.

– Кто говорит, восемьсот... – ухмыльнулся Велерад.

Геральт покрутил головой.

– А кто, – буркнул градоправитель, – тысяча.

– Не густо, если учесть, что сплетни, как правило, завышают. Кстати, король-то дает три тысячи.

– Ага. И невесту в придачу, – съехидничал Велерад. – Да и о чем мы толкуем? Известное дело, не получишь ты тех трех тысяч.

– Это почему же?

Велерад хватил рукой о столешницу.

– Геральт, не порти моего мнения о ведьмаках! Этому уже шесть лет с гаком! Упырица укокошивает до полусотни людей в год, теперь, может, чуток поменьше, потому как все держатся в стороне от дворца. Нет, братец, я верю в колдовство, приходилось видеть то да се на своем веку, и верю, до определенной степени, разумеется, в способности магов и ведьмаков. Но что до переколдовывания – это уж чепуха, придуманная горбатым и сопливым старикашкой, который вконец поглупел от своего отшельнического харча, ерунда, в которую не верит никто. Кроме Фольтеста. Разве не так, Геральт? Адда родила упырицу, потому что спала с собственным братом, вот в чем суть, и никакие чары тут не помогут. Упырица пожирает людей, как...

упырица, и надобно ее прикончить, нормально и попросту. Слушай, два года тому назад кметы из какой-то захудалой дыры под Махакамом, у которых дракон пожирал овец, пошли скопом, забили его дубинами и даже не посчитали нужным похвалиться. А мы тут, в Вызиме, ожидаем чуда каждое полнолуние и запираем двери на семь засовов или же привязываем к столбу перед дворцом преступников, рассчитывая на то, что бестия нажрется и снова нырнет в свой гроб.

– Недурственный способ, – усмехнулся ведьмак. – Преступность пошла на убыль?

– Держи карман шире!

– Как пройти во дворец, в тот, новый?

– Я провожу тебя. А как с предложением толковых людей?

– Ипат, – сказал Геральт, – куда спешить? Ведь несчастный случай на работе может произойти действительно, независимо от моего желания. Тогда толковым людям придется подумать, как спасти меня от королевского гнева и подготовить те тысячу пятьсот оренгов, о которых болтают... людишки.

– Речь шла о тысяче.

– Э, нет, милсдарь Велерад, – решительно сказал ведьмак. – Тот, кому вы предлагали тысячу, сбежал, стоило ему взглянуть на упырицу, и даже не торговался. Стало быть, риск гораздо выше, чем на тысячу. Ну, конечно, в отличие от него, я предварительно попрощаюсь.

Велерад почесал затылок.

– Геральт? Тысячу двести?

– Нет. Работа не из легких. Король дает три, а должен сказать, что расколдовать порой бывает легче, чем убить. В конце концов, кто-нибудь из моих предшественников убил бы упырицу, если б это было так просто. Вы думаете, они дали себя загрызть только потому, что боялись короля?

– Ну, лады, братец, – Велерад грустно покачал головой. – По рукам. Только чтоб королю ни гугу о возможном несчастном случае на... производстве. От всей души советую.

3

Фольтест был шупл, отличался красивым – слишком уж красивым – лицом. Ему еще не стукнуло сорока, как решил ведьмак. Он сидел на резном черного дерева карле, протянув ноги к камину, у которого грелись две собаки. Рядом, на сундуке, сидел пожилой, могучего сложения бородатый мужчина. За спиной у короля стоял другой, богато одетый, с гордым выражением на лице. Вельможа.

– Ведьмак из Ривии, – нарушил король недолгую тишину, наступившую после вступительных слов Велерада.

– Да, государь, – наклонил голову Геральт.

– От чего у тебя так голова поседела? От волшебства? Ты вроде бы не стар? Ну ладно, ладно. Шучу. Опыт, надеюсь, у тебя какой-никакой есть?

– Да, государь.

– Рад бы послушать.

– Вы же знаете, государь, – склонился Геральт еще ниже, – что наш кодекс запрещает нам рассказывать о том, что мы делаем.

– Удобный кодекс, господин ведьмак, весьма удобный. Ну, а если, к примеру, без подробностей, с лесовиками дело имел?

– Да.

– С вампирами, лешими?

– Да.

Фольтест замялся.

– С упырями?

– Да.

Геральт поднял голову, глянул королю в глаза.

Фольтест смутился. Вроде бы.

– Велерад!

– Слушаю, государь!

– Ты ввел его в курс?

– Да, государь. Он утверждает, что принцессу можно расколдовать.

– Это-то я давно знаю. А каким образом, уважаемый господин ведьмак? Ах да, запомню. Кодекс. Ну хорошо. Только одно небольшое замечание. Захаживали тут ко мне несколько ведьмаков. Велерад, ты ему говорил? Хорошо. Поэтому мне ведомо, что ваша специальность в основном предусматривает... умерщвление, а не снятие порчи. Запомни, об этом и думать не смей. Если у моей дочери хоть волос с головы упадет, ты свою на плаху положишь. Это все. Остриг и вы, государь Сегелин, останьтесь, сообщите ему все, что он пожелает. Они всегда много спрашивают, ведьмаки. Накормите, и пусть живет во дворце. Нечего по трактирам да корчмам валандаться.

Король встал, свистнул псам и направился к дверям, раскидывая солому, покрывающую пол комнаты. У дверей обернулся.

– Если получится, ведьмак, награда твоя. Возможно, еще кое-что подброшу, если выкажешь себя хорошо. Конечно, в болтовне относительно женитьбы на принцессе нет ни на грош правды. Надеюсь, ты не думаешь, что я выдам дочь за первого попавшегося проходимца?

– Нет, государь, не думаю.

– Ну и славно. Это доказывает, что ты не глуп.

Фольтест вышел, прикрыв за собой двери. Велерад и вельможа, которые до этого стояли, тут же уселись за стол. Ипат допил наполовину полный кубок короля, заглянул в кувшин, чер-

тыхнулся. Острит, занявший карло короля, глядел на ведьмака исподлобья, поглаживая резные подлокотники. Сегелин, бородач, кивнул Геральту.

– Присаживайтесь, господин ведьмак, присаживайтесь. Сейчас ужин подадут. Так что бы вы хотели узнать? Градоправитель Велерад, я думаю, сказал вам все. Я знаю его, уверен, что он сказал скорее больше, чем меньше.

– Всего несколько вопросов.

– Задавайте.

– Господин градоправитель сказал, что после появления упырицы король призвал многих Посвященных.

– Так оно и есть. Только говорите не «упырица», а «принцесса». Так вам легче будет избежать оговорки при короле... и связанных с нею неприятностей.

– Среди Посвященных был кто-нибудь известный? Знаменитый?

– Такие бывали и тогда, и сейчас. Имен не помню... А вы, господин Острит?

– Не припомню, – сказал вельможа. – Но знаю, что некоторые пользовались славой и признанием. Об этом многие говорили.

– Было ли у них согласие в том, что заклятие можно снять?

– Им далеко было до согласия, – усмехнулся Сегелин. – По любому вопросу. Но такое предположение высказывали. Речь шла о простом, вообще не требующем магических способностей методе, и, как я понял, заключался он в том, чтобы провести ночь, от заката до третьих петухов, в подземелье, рядом с саркофагом.

– Чего уж проще, – фыркнул Велерад.

– Я хотел бы услышать, как выглядит... принцесса.

– Принцесса выглядит как упырь, – рявкнул Велерад, вскакивая со стула. – Как самый что ни на есть упыристый упырь, о каком мне только доводилось слышать! В ее высочестве, королевской доченьке, проклятом ублюдочном ублюдке, четыре локтя роста, она похожа на бочонок

из-под пива, а пасть у нее от уха до уха, полная зубов, острых как кинжалы, у нее кроваво-красные зенки и рыжие патлы. Лапищи с когтями как у рыси, свисают до самой земли! Удивительно, как это мы еще не начали посылать ее миниатюры дружественным дворам! Принцессе, чтоб ее чума взяла, уже четырнадцать годков, самое время выдать замуж за какого-нибудь принца!

– Притормозите, градоправитель, – поморщился Острит, поглядывая на дверь.

Сегелин слабо улыбнулся.

– Описание весьма красочное и достаточно точное, а именно это вас интересовало, уважаемый ведьмак, верно? Велерад только забыл добавить, что принцесса передвигается с невероятной быстротой и что она гораздо сильнее, чем можно судить по росту и строению. А то, что ей четырнадцать, – факт. Если это имеет значение.

– Имеет, – сказал ведьмак, – А на людей она нападает только в полнолуние?

– Да, – ответил Сегелин. – Если это случается за стенами старого дворца. Во дворце же люди погибали независимо от фазы Луны. Но из дворца она выходит только по полнолуниям, да и то не всегда.

– Был ли хоть один случай нападения днем?

– Нет. Днем – нет.

– Она всегда пожирает жертвы?

Велерад смачно сплюнул на солому.

– А чтоб тебя, Геральт, сейчас же вечерять будем. Тьфу на тебя! Пожирает, обглаживает, оставляет – по-разному, в зависимости, видать, от настроения. У одного только голову отгрызла, нескольких выпотрошила, а других обгрызла начисто, можно сказать, наголо. Мать ее...

– Осторожнее, Велерад, – прошипел Острит. – Об упырице – что хочешь, но Адду не оскорбляй, потому как при короле-то и сам не отважишься.

– А выжил кто-нибудь из тех, на кого она напала? – спросил ведьмак, казалось, не обратив внимания на вспышку вельможи.

Сегелин и Острит переглянулись.

– Да, – сказал бородач. – В самом начале, лет шесть назад, она набросилась на двух солдат, стоявших на страже у склепа. Одному удалось сбежать.

– И позже, – вставил Велерад, – мельник, на которого она напала за городом. Помните?

4

В комнатку над кордегардией, где поместили ведьмака, мельника привели на другой день поздним вечером. Привел его солдат в плаще с капюшоном. Особых результатов беседа не дала. Мельник был напуган, бормотал и заикался. Гораздо больше ведьмаку сказали его шрамы: у упырицы были внушающие уважение челюсти и действительно очень острые зубы, в том числе непомерно длинные верхние клыки – четыре, по два с каждой стороны. Когти, пожалуй, острее рысиных, хоть и не такие крючковатые. Впрочем, только поэтому мельнику и удалось вырваться.

Покончив с осмотром, Геральт кивком отпустил мельника и солдата. Солдат вытолкал парня за дверь и скинул капюшон. Это был Фольтест собственной персоной.

– Не вставай, – сказал король. – Визит неофициальный. Ты доволен допросом? Я слышал, ты с утра побывал во дворце?

– Да, государь.

– Когда приступишь к делу?

– До полнолуния четыре дня. После него.

– Хочешь сначала взглянуть на нее?

– Нет нужды. Но насытившаяся... принцесса... будет не так подвижна.

– Упырица, мэтр, упырица. Брось дипломатничать. Принцессой-то она только еще будет. Впрочем, именно об этом я хотел с тобой поговорить. Отвечай неофициально, кратко и толково – будет или не будет? Только не прикрывайся своими кодексами.

Геральт потер лоб.

– Я подтверждаю, государь, что чары можно снять. И если не ошибаюсь, действительно проведя ночь во дворце. Если третьи петухи застанут упырицу вне гробницы, то снимут колдовство. Обычно именно так поступают с упырями.

– Так просто?

– И вовсе не так просто, государь. Во-первых, эту ночь надо пережить. Во-вторых, возможны отклонения от нормы. Например, не одну ночь, а три. Одну за другой. Бывают также случаи... ну... безнадёжные.

– Так. – Фольтеста передернуло. – Только и слышу: убить чудище, потому что это случай неизлечимый! Я уверен, мэтр, что с тобой уже потолковали. А? Дескать, заруби людоедку без церемоний, сразу же, а королю скажи, мол, иначе не получалось. Не заплатит король, заплатим мы. Очень удобно. И дешево. Король велит отрубить голову или повесить ведьмака, а золото останется в кармане.

– А что, король обязательно прикажет обезглавить ведьмака? – поморщился Геральт.

Фольтест долго глядел в глаза ривянину. Наконец сказал:

– Король не знает. Но учитывать такую возможность ведьмак все-таки должен.

Теперь замолчал Геральт.

– Я намерен сделать все, что в моих силах, – сказал он наконец. – Но если дело пойдет скверно, я буду защищаться. Вы, государь, тоже должны учитывать такую возможность.

Фольтест встал.

– Ты меня не понял. Не о том речь. Совершенно ясно, что ты ее убьешь, если станет горячо, нравится мне это или нет. Иначе она убьет тебя, наверняка и бесповоротно. Я не разглашаю этого, но не покарал бы того, кто убьет ее в порядке самообороны. Но я не допущу, чтобы ее убили, не попытавшись спасти. Уже пробовали поджигать старый дворец, в нее стреляли из луков, копали ямы, ставили силки и капканы, пока нескольких «умников» я не вздернул. Но, повторяю, не о том речь. Слушай, мэтр...

– Слушаю.

- Если я правильно понял, после третьих петухов упырицы не будет. А кто будет?
- Если все пойдет как надо, будет четырнадцатилетняя девочка.
- Красноглазая? С зубищами как у крокодила?
- Нормальная девчонка. Но только...
- Ну?
- Физически.
- Час от часу не легче. А психически? Каждый день на завтрак ведро крови? Девичье бедрышко?
- Нет. Психически... трудно сказать... Думаю, на уровне, ну... трех-четырёх годовалого ребенка. Ей понадобится заботливый уход. Довольно долго.
- Это ясно. Мэтр?
- Слушаю.
- А это... может повториться? Позже?
- Ведьмак молчал.
- Так, – сказал король. – Стало быть, может. И что тогда?
- Если после долгого, затянувшегося на несколько дней беспомыслия она умрет, надо будет сжечь тело. И как можно скорее.
- Фольтест нахмурился.
- Однако не думаю, – добавил Геральт, – чтобы до этого дошло. Для верности я дам вам, государь, несколько советов, как уменьшить опасность.
- Уже сейчас? Не слишком ли рано, мэтр? А если...
- Уже сейчас, – прервал ривянин. – По-всякому бывает, государь. Может случиться, что наутро вы найдете в склепе расколдованную принцессу и мой труп.
- Даже так? Несмотря на разрешение на самооборону? Которое, похоже, не шибко тебе и нужно.
- Это дело серьезное, государь. Риск очень велик. Поэтому слушайте: принцесса должна будет постоянно носить на шее сапфир, лучше всего инклюз, на серебряной цепочке. Постоянно. Днем и ночью.
- Что такое инклюз?
- Сапфир с пузырьком воздуха внутри. Кроме того, в камине ее спальни надо будет время от времени сжигать веточки можжевельника, дрока и орешника.
- Фольтест задумался.
- Благодарю за советы, мэтр. Я буду придерживаться их, если... А теперь слушай меня внимательно. Если увидишь, что случай безнадежный, убей ее. Если снимешь заклятие, но девочка не будет... нормальной... если у тебя возникнет хотя бы тень сомнения в том, что все прошло удачно, убей ее. Не бойся меня. Я стану на тебя при людях кричать, выгоню из дворца и из города, ничего больше. Награды, разумеется, не дам. Ну, может, что-нибудь выторгуешь... Сам знаешь у кого.
- Они помолчали.
- Геральт. – Фольтест впервые назвал ведьмака по имени.
- Слушаю.
- Сколько правды в слухах, будто ребенок родился таким только потому, что Адда была моей сестрой?
- Не много. Порчу надо навести. Чары не возникают из ничего. Но, думаю, ваша связь с сестрой послужила поводом к тому, что кто-то бросил заклинание, а значит, и причиной такого результата.
- Так я и думал. Так говорили некоторые из Посвященных, правда, не все. Геральт. Откуда все это берется? Чары, магия?

– Не знаю, государь. Посвященные пытаются отыскать причины таких явлений. Нам же, ведьмакам, достаточно знать, что их можно вызывать сосредоточением воли. И знать, как с ними бороться.

– Убивая?

– Как правило. Впрочем, чаще всего за это нам и платят. Мало кто требует снять порчу. В основном люди просто хотят уберечься от опасности. Если же у чудища на совести еще и трупы, то присовокупляется стремление отомстить за содеянное.

Король встал, прошелся по комнате, остановился перед висевшим на стене мечом ведьмака.

– Этим? – спросил он, не глядя на Геральта.

– Нет. Этот против людей.

– Наслышан. Знаешь что, Геральт? Я пойду с тобой в склеп.

– Исключено.

Фольтест повернулся, глаза сверкнули.

– Тебе известно, колдун, что я ее ни разу не видел? Ни при рождении, ни... позже? Боялся. Могу ее уже никогда не увидеть, верно? Имею я право хотя бы видеть, как ты будешь ее убивать?

– Повторяю, исключено. Это верная смерть. И для меня тоже. Стоит мне ослабить внимание, волю... Нет, государь.

Фольтест отвернулся и направился к двери. Геральту показалось, что он уйдет, не произнеся ни слова, без прощального жеста, но король остановился и взглянул на него.

– Ты вызываешь доверие, – сказал он. – Хотя я и знаю, что ты за фрукт. Мне рассказали, что произошло в трактире. Уверен, ты прибил этих головорезов исключительно ради рекламы, чтобы всколыхнуть людей, потрясти меня. Я уверен, ты мог столкнуться с ними и не убивая. Боюсь, мне никогда не узнать, идешь ли ты спасти мою дочь или же убить ее. Но соглашаюсь на это. Вынужден согласиться. Знаешь почему?

Геральт не ответил.

– Потому что, – сказал король, – думаю, она страдает. Правда?

Ведьмак проницательно посмотрел на короля. Не подтвердил, не сделал ни малейшего жеста, но Фольтест знал. Знал ответ.

5

Геральт в последний раз выглянул в окно дворца. Быстро темнело. За озером помигивали туманные огоньки Вызимы. Вокруг дворца раскинулся пустырь – полоса ничейной земли, которой город за шесть лет отгородился от опасного места, не оставив ничего, кроме развалин, прогнивших балок и остатков щербатого частокола, которые разбирать и переносить, видимо, не окупалось. Дальше всего, на другой край города, перенес свою резиденцию сам король – пузатая башня нового дворца чернела вдали на фоне темно-синего неба.

Ведьмак вернулся к запыленному столу, за которым в одной из пустых, разграбленных комнат готовился. Не спеша, спокойно, обстоятельно. Времени, как он знал, было достаточно. До полуночи упырица из склепа не вылезет. Перед ним на столе стоял небольшой окованный сундучок. Геральт открыл его. Там тесно, в выложенных сухой травой отделениях, стояли флакончики из темного стекла. Ведьмак вынул три.

Поднял с пола продолговатый сверток, плотно укутанный овечьими шкурами и обвязанный ремнем. Развернул, достал из черных блестящих ножен, покрытых рядами рунических знаков и символов, меч с изукрашенной рукоятью. Острие заиграло идеальным зеркальным блеском. Лезвие было из чистого серебра.

Геральт прошептал формулу, медленно выпил содержимое двух флакончиков, после каждого глотка опуская левую руку на оголовье меча. Потом, плотно закутавшись в черный плащ, сел. На пол. В комнате не было ни одного стула. Как, впрочем, и во всем дворце. Он сидел неподвижно, прикрыв глаза. Дыхание, поначалу ровное, вдруг ускорилось, стало хриплым, беспокойным. А потом полностью остановилось. Снадобье, с помощью которого ведьмак подчинил себе все органы тела, в основном состояло из чемерицы, дурмана, боярышника и молочая. Остальные компоненты не имели названий ни на одном человеческом языке. Не будь Геральт приучен к таким смесям с детства, это был бы смертельный яд. Ведьмак резко повернул голову. Слух, обострившийся теперь сверх всякой меры, легко вылушил из тишины шелест шагов по заросшему крапивой двору. Это не могла быть упырица. Еще слишком светло. Геральт завел меч за спину, спрятал сундучок в угольях разрушенного камина и тихо, словно летучая мышь, сбежал по лестнице.

На дворе было еще достаточно света, чтобы приближающийся человек мог увидеть лицо ведьмака. Человек – это был Острит – резко попятился, невольная гримаса ужаса и отвращения исказила его лицо. Ведьмак криво усмехнулся – он знал, как выглядит. После мешанины из красавки, аконита и очанки лицо становится белее мела, а зрачки заполняют всю радужницу. Зато микстура позволяет видеть в глубочайшей тьме, а Геральту именно это и было нужно.

Острит быстро взял себя в руки.

– Ты выглядишь так, словно уже стал трупом, колдун, – сказал он. – Не иначе со страха. Не бойся. Я принес тебе жизнь.

Ведьмак не ответил.

– Не слышишь, что я сказал, ривский знахарь? Ты спасен. И богат. – Подбросив на руке солидный мешок, Острит кинул его под ноги Геральту. – Тысяча оренгов. Бери, садись на коня и выматывай отсюда!

Ривянин молчал.

– Чего вылупился? – повысил голос Острит. – И не задерживай меня. Я не намерен торчать здесь до полуночи. Не понимаешь? Я не желаю, чтобы ты снимал заклятие. Нет, не думай, будто угадал. Я не в сговоре ни с Велерадом, ни с Сегелином. Просто не желаю, чтобы ты ее убивал. Ты должен уехать и оставить все как есть.

Ведьмак не шелохнулся. Он не хотел, чтобы вельможа понял, насколько сейчас обострились и ускорились его движения и реакции. Темнело быстро, это было только на руку Геральту, ведь даже полумрак сумерек был слишком ярким для его расширившихся зрачков.

– А собственно, почему все должно оставаться по-старому? – спросил он, стараясь помедленнее выговаривать слова.

– А вот это, – Острил гордо поднял голову, – не твоего ума дело.

– А если я уже знаю?

– Интересно...

– Легче будет скинуть Фольтеста с трона, если упурица дойдет людей еще больше? Если королевские фокусы вконец осточертеют и вельможам, и народу, верно? Я ехал к вам через Реданию и Новиград. Там на каждом углу толкуют о том, что кое-кто в Вызиме посматривает на короля Визимира как на избавителя и истинного монарха. Но меня, господин Острил, не интересуют ни политика, ни наследование тронов, ни дворцовые перевороты. Я здесь для того, чтобы выполнить работу. Вы никогда не слышали о чувстве долга и элементарной порядочности? О профессиональной этике?

– Не забывай, с кем говоришь, бродяга! – яростно крикнул Острил, сжимая рукоять меча. – Я не привык спорить с кем попало! Этика, кодексы, мораль?! И кто это говорит. Разбойник, который, не успев прибыть, уже прикончил троих. Кто бил поклоны Фольтесту, а за его спиной торговался с Велерадом, словно наемный убийца! И ты еще осмеливаешься задирать голову, холоп? Прикидываться Посвященным? Магом? Чародеем? Ты, паршивый ведьмак! Вон отсюда, пока я тебе череп не раскроил!

Ведьмак даже не дрогнул.

– Лучше б вам самому уйти, Острил, – сказал он. – Темнеет.

Острил попятился, мгновенно выхватил меч.

– Ты сам того хотел, колдун! Убью! Не помогут тебе твои штучки. При мне черепаший камень.

Геральт усмехнулся. Мнение о могуществе черепашьего камня было столь же распространено, сколь и ошибочно. Но ведьмак не намеревался тратить силы на заклятия и тем более скрещивать серебряный клинок с оружием Острила. Он поднырнул под выписывающее круги острие и серебряными шипами манжета ударил вельможу в висок.

6

Острит очухался быстро и теперь водил глазами в абсолютной тьме. Он был связан. Геральта, стоявшего рядом, он не видел, но сообразил, где находится, и завыл протяжно, дико.

– Молчи, – сказал ведьмак. – Накличешь ее прежде времени.

– Проклятый убийца! Где ты? Развяжи немедленно, сукин ты сын! Вздерну поганца!

– Молчи.

Острит тяжело дышал.

– Оставишь меня ей на съедение? Связанного? – спросил он уже тише и совсем уж тихо добавил грязное ругательство.

– Нет, – сказал ведьмак. – Отпущу. Но не сейчас.

– Подлец, – прошипел Острит. – Чтобы отвлечь упырицу?

– Да.

Острит замолчал, перестал дергаться, лежал спокойно.

– Ведьмак?

– Да.

– А ведь я действительно хотел свалить Фольтеста. И не я один. Но лишь я желал его смерти, хотел, чтобы он помер в муках, чтобы свихнулся, чтобы живьем сгнил. Знаешь почему?

Геральт молчал.

– Я любил Адду. Королевскую сестру. Королевскую любовницу. Королевскую девку. Я любил ее... Ведьмак, ты здесь?

– Здесь.

– Я знаю, что ты думаешь. Но этого не было. Поверь, я не произносил никаких заклятий. Я не знаток по части чар. Только однажды, по злобе, сказал... Только один раз. Ведьмак? Ты слышишь?

– Слышу.

– Это его мать, старая королева. Наверняка она. Не могла видеть, как они с Аддой... Это не я. Я только однажды, понимаешь, пытался уговорить ее, а Адда... Ведьмак! На меня нашло, и я сказал... Ведьмак. Так это я? Я?

– Это уже не имеет значения.

– Ведьмак? Полночь близко?

– Близко.

– Выпусти меня раньше. Дай мне больше времени.

– Нет.

Острит не услышал скрежета отодвигаемой покровной плиты саркофага, но ведьмак услышал. Он наклонился и кинжалом рассек ремни, связывавшие вельможу. Острит не стал дожидаться каких-либо слов, вскочил, неловко заковылял, одеревеневший, побежал. Глаза уже привыкли к темноте, и он увидел дорогу, ведущую из главной залы к выходу. Из пола с грохотом вылетела плита, закрывавшая вход в склеп. Геральт, предусмотрительно укрывшийся за балюстрадой лестницы, увидел уродливую фигуру упырицы, ловко, быстро и безошибочно устремившейся за удаляющимся топотом башмаков Острита. Упырица не издавала ни звука. Чудовищный, душераздирающий, сумасшедший визг разорвал ночь, потряс старые стены и не прекращался, то вздымаясь, то опадая и вибрируя. Ведьмак не мог точно оценить расстояние – его обостренный слух ошибался, но он знал, что упырица добралась до Острита быстро. Слишком быстро. Он вышел на середину залы, встал у выхода из склепа. Отбросил плащ. Повел плечами, поправляя положение меча. Натянул перчатки. У него еще было немного времени. Он знал, что упырица, хоть и нажравшаяся, так быстро труп не бросит. Сердце и печень были для нее ценным запасом пищи, позволяющим долго оставаться в летаргии.

Ведьмак ждал. До зари, по его подсчетам, оставалось еще около трех часов. Пение петуха могло его только спутать. Впрочем, в округе скорее всего вообще не было петухов.

И тут он ее услышал. Она шла медленно, шлепая по полу. А потом он ее увидел.

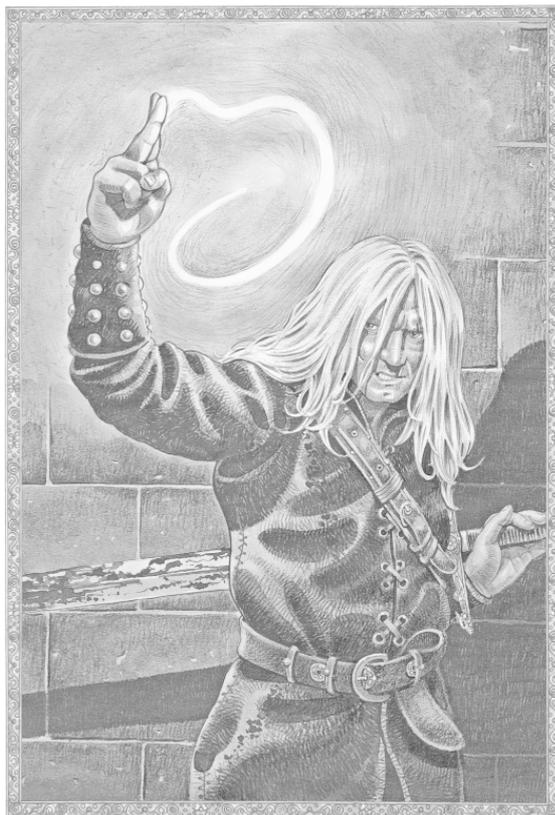
Описание было точным: спутанный ореол рыжеватых волос окружал непропорционально большую голову, сидящую на короткой шее. Глаза светились во мраке, словно два карбункула. Упырица остановилась, уставившись на Геральта. Вдруг раскрыла пасть – словно похваляясь рядами белых клиновидных зубищ, потом захлопнула челюсть с таким грохотом, будто захлопнула крышку сундука. И сразу же прыгнула, с места, без разбега, целясь в ведьмака окровавленными когтями.

Геральт отскочил, закружился, упырица задела его и тоже закружилась, вспарывая когтями воздух. Она не потеряла равновесия и напала снова, немедленно, с полуоборота, щелкнув зубами у самой груди Геральта. Ривянин отскочил в другую сторону, трижды меняя направление вращения и тем самым сбивая упырицу с толку, отскакивая, сильно, хотя и не с размаху, ударил ее по голове серебряными шипами, сидящими на верхней стороне перчатки, на костяшках пальцев.

Упырица жутко зарычала, заполнив дворец гулким эхом, припала к земле, замерла и принялась выть. Глухо, зловеще, яростно. Ведьмак зло усмехнулся. Первый «раунд», как он и рассчитывал, прошел успешно. Серебро было убийственным для упырицы, как и для большинства чудовищ, вызванных к жизни колдовством. Так что, выходит, бестия не отличалась от других, а это давало надежду на то, что чары удастся снять, серебряный же меч как крайнее средство гарантировал ему жизнь. Упырица не спешила нападать. Теперь она приближалась медленно, оскалив клыки, пуская слюни. Геральт попятился, пошел полукругом, осторожно ставя ноги, то замедляя, то ускоряя движение, тем самым рассеивая внимание упырицы, не позволяя ей собраться для прыжка. Продолжая движение, он разматывал длинную тонкую крепкую цепь с грузом на конце. Серебряную цепь.

В тот момент, когда упырица, напрягшись, прыгнула, цепь просвистела в воздухе и, свернувшись змеей, мгновенно оплела руки, шею и голову чудища. Не довершив прыжка, упырица упала, издав пронзительный визг. Она извивалась на полу, жутко рыча то ли от ярости, то ли от палящей боли, причиняемой ненавистным металлом. Геральт был удовлетворен – убить упырицу, если б он того хотел, не составляло труда. Но он не доставал меча. Пока ничто в поведении упырицы не говорило о том, что это случай неизлечимый. Геральт немного отступил и, не спуская глаз с извивающегося на полу тела, глубоко дышал, собираясь с силами. Цепь лопнула, серебряные звенья дождем прыснули во все стороны, звеня по камням. Ослепленная яростью упырица, воя, кинулась в атаку. Геральт спокойно ждал и поднятой правой рукой чертил перед собой Знак Аард. Упырица отлетела на несколько шагов, словно ее ударили молотом, но удержалась на ногах, выставила когти, обнажила клыки. Ее волосы поднялись дыбом, зашевелились так, будто она шла против резкого ветра. С трудом, кашляя, шаг за шагом, медленно, но шла! Все-таки шла! Геральт забеспокоился. Он, конечно, не ожидал, что такой простой Знак совсем парализует упырицу, но и не думал, что бестия так легко оправится. Он не мог держать Знак слишком долго – это истощало, а меж тем упырице оставалось пройти не больше десятка шагов. Он резко снял Знак и отскочил вбок. Как и ожидал, застигнутая врасплох, упырица полетела вперед, потеряла равновесие, перевернулась, поскользнулась на полу и покатилась вниз по ступеням зияющего в полу входа в склеп. Снизу донеслись истошные вопли.

Чтобы выиграть время, Геральт прыгнул на лестницу, ведущую на галерею. Не успел пройти и половины, как упырица вылетела из склепа и помчалась за ним, словно огромный черный паук... Ведьмак, дождавшись, пока она взбежит на лестницу, тут же перемахнул через поручень и спрыгнул на пол. Упырица развернулась на лестнице, оттолкнулась и кинулась на него в невероятном, чуть ли не десятиметровом прыжке. Она уже не дала так легко провести себя – дважды ее когти рванули кожаную куртку ривянина. Но новый могучий удар серебряных шипов откинул упырицу. Она закачалась. Геральт, чувствуя вздымающуюся в нем ярость,

покачнулся, откинул туловище назад и сильнейшим ударом в бок повалил бестию на пол. Рык, который она издала, был громче всех предыдущих. С потолка посыпалась штукатурка.

Упырица вскочила, дрожа от неудержимой злобы и жажды убийства. Геральт выжидал. Он уже выхватил меч и, чертя им в воздухе зигзаги, шел, обходя упырицу, следя за тем, чтобы движения меча не совпадали с ритмом и темпом шагов. Упырица не отскочила. Она медленно приближалась, вода глазами вслед за блестящей полоской клинка.

Геральт резко остановился, замер, поднял меч над головой. Упырица растерялась и тоже остановилась. Ведьмак, выписав острием двойной полукруг, сделал шаг в сторону упырицы. Потом еще один. А потом прыгнул, вертя меч над головой.

Упырица съежилась, попятилась. Геральт был все ближе. Глаза его разгорелись злобным огнем, сквозь стиснутые зубы вырвался хриплый рев. Упырица снова отступила, отброшенная мощью сконцентрированной ненависти, злобы и силы, излучаемой нападающим на нее человеком, бьющей в нее волнами, врывающимися в мозг и внутренности. До боли пораженная неведомым ей прежде ощущением, она издала вибрирующий тонкий визг, закружилась на месте и в панике кинулась в мрачный лабиринт коридоров дворцовых подземелий.

Геральт, сотрясаемый дрожью, остановился посреди залы.

Один.

«Сколько же понадобилось времени, – подумал он, – чтобы этот танец на краю пропасти, эта сумасшедшая, жуткая пляска привела к желаемому результату, позволила добиться психического слияния с противником, проникнуть в глубины сконцентрированной воли, переполнявшей упырицу. Воли злобной, болезненной, породившей эту уродину». Ведьмак вздрогнул, вспомнив тот момент, когда он поглотил этот заряд зла, чтобы, словно зеркало, отразить его и направить на чудовище. Никогда он еще не встречался с такой концентрацией ненависти и убийственного неистовства. Даже у василисков, пользующихся самой дурной славой.

«Тем лучше, – думал он, направляясь ко входу в склеп, огромной черной дырой темнеющему в полу. – Тем лучше, сильнее был удар, полученный самой упырицей». Это дает чуть больше времени на дальнейшие действия, прежде чем бестия оправится от шока. Вряд ли он способен еще на одно такое усилие. Действие эликсиров слабеет, а до рассвета еще далеко. Нельзя допустить, чтобы упырица проникла в склеп до утренней зари, иначе весь труд пойдет насмарку.

Он опустился по ступеням. Склеп был невелик и вмещал три каменных саркофага. У первого от входа крышка была сдвинута. Геральт достал из-за пазухи третий флакончик, быстро выпил содержимое, спустился в саркофаг и лег. Как он и ожидал, саркофаг оказался двойным – для матери и дочери. Крышку он задвинул только после того, как снова услышал сверху рев упырицы. Он лег навзничь рядом с мумифицированными останками Адды, на плите изнутри начертил Знак Ирген. Меч положил на грудь и поставил маленькие песочные часы, заполненные фосфоресцирующим песком. Скрестил руки. Воплей упырицы он уже не слышал. Он вообще уже ничего не слышал: четырехлистный вороний глаз и ласточкина трава набирали силу.

7

Когда Геральт открыл глаза, песок в часах уже пересыпался до конца, а значит, он спал даже дольше, чем следовало. Он прислушался – и ничего не услышал. Органы чувств уже работали нормально. Он взял меч в одну руку, другой провел по крышке саркофага, выговаривая формулу, затем легко сдвинул плиту на несколько вершков. Тишина.

Он отодвинул крышку еще больше, сел, держа оружие наготове, высунул голову. В склепе было темно, но ведьмак знал, что на дворе светает. Он высек огонь, зажег маленький каганец, поднял, на стенках склепа заплясали странные тени.

Пусто.

Он выбрался из саркофага, занемевший, озябший. И тут увидел ее. Она лежала на спине рядом с гробницей, нагая, без чувств. Она не была красивой. Худенькая, с маленькими остренькими грудками, грязная. Светло-рыжие волосы укрывали ее почти до пояса. Поставив каганец на плиту, он опустился рядом с девочкой на колени, наклонился. Губы у нее были белые, на скуле большой кровоподтек от его удара. Геральт снял перчатку, отложил меч, бесцеремонно поднял ей пальцем верхнюю губу. Зубы были нормальные. Он хотел взять ее за руку, погруженную в спутанные волосы. И тут, не успев нащупать кисть, увидел раскрытые глаза. Слишком поздно.

Она рванула его когтями по шее, кровь хлестнула ей на лицо. Она взвыла, другой рукой целясь ему в глаза. Он повалился на нее, схватил за запястья, пригвоздил к полу. Она шелкнула зубами – уже короткими – перед его лицом. Геральт ударил ее лбом в лицо, прижал сильнее. У нее уже не было прежних сил, она только извивалась под ним, выла, выплевывала кровь – его кровь, – заливавшую ей рот. Нельзя было терять ни минуты. Геральт выругался и сильно укусил ее в шею под самым ухом, впился зубами и стискивал их до тех пор, пока нечеловеческий вой не перешел в тихий, отчаянный крик, а потом во всхлипывания – плач страдающей четырнадцатилетней девочки.

Когда она перестала двигаться, он отпустил ее, поднялся на колени, выхватил из кармана на рукаве кусок материи, прижал к шее. Нащупал лежащий рядом меч, приставил острие к горлу бесчувственной девочки, наклонился к ее руке. Ногти были грязные, обломанные, окровавленные, но... нормальные. Совершенно нормальные.

Ведьмак с трудом встал. Сквозь вход в склеп уже струилась липко-мокрая серость утра. Он направился к ступеням, но, покачнувшись, тяжело опустился на пол. Просачивающаяся сквозь намокшую материю кровь бежала по руке, отекала в рукав. Он расстегнул куртку, разорвал рубаху и принялся обматывать шею, зная, что времени осталось совсем мало, что он вот-вот потеряет сознание...

Он успел. И погрузился в небытие.

В Вызиме, за озером, петух, распушив перья в холодном, влажном воздухе, хрипло пропел в третий раз.

8

Он увидел побеленные стены и потолок комнаты над кордегардией. Пошевелил головой, кривясь от боли, застонал. Шея была перевязана плотно, солидно, профессионально.

– Лежи, волшебник, – сказал Велерад. – Лежи, не шевелись.

– Мой... меч...

– Да, да. Самое главное, конечно, твой серебряный ведьмачий меч. Здесь он, не волнуйся. И меч, и сундучок. И три тысячи оренгов. Да, да, молчи. Это я – старый дуралей, а ты – мудрый ведьмак. Фольтест не устает твердить это уже два дня.

– Два?

– Ага, два. Недурно она тебя разделала, видно было все, что у тебя там внутри, в шее-то. Ты потерял много крови. К счастью, мы помчались во дворец сразу после третьих петухов. В Вызиме в ту ночь никто глаз не сомкнул. Уснуть было невозможно. Вы там зверски шумели. Тебя не утомляет моя болтовня?

– Прин... цесса?

– Принцесса как принцесса. Худющая. И какая-то бестолковая. Все время плачет. И мочится в постель. Но Фольтест говорит, что это изменится. Я думаю, не к худшему, а, Геральт?

Ведьмак прикрыл глаза.

– Ну, хорошо, хорошо, ухожу. – Велерад поднялся. – Отдыхай. Слушай, Геральт. Прежде чем уйду, скажи, почему ты хотел ее загрызть? А, Геральт?

Ведьмак спал.

Глас рассудка II

1

– Геральт.

Его разбудили ослепительные лучи солнечного света, настойчиво пробивавшиеся сквозь щели в ставнях. Казалось, солнце, стоящее уже высоко, исследует комнату своими золотыми щупальцами. Ведьмак прикрыл глаза ладонью, ненужным неосознанным жестом, от которого никак не мог избавиться, – ведь достаточно было просто сузить зрачки, превратив их в вертикальные щелочки.

– Уже поздно, – сказала Нэннеке, раскрывая ставни. – Вы заспались. Июля, исчезни. Мигом.

Девушка резко поднялась, наклонилась, доставая с полу накидку. На руке, в том месте, где только что были ее губы, Геральт чувствовал струйку еще теплой слюны.

– погоди... – неуверенно сказал он. Она взглянула на него и быстро отвернулась.

Она изменилась. Ничего уже не осталось от той русалки, того сияющего ромашкового видения, которым она была на заре. Ее глаза были синими, не черными. И всю ее усеивали веснушки – нос, грудь, руки. Веснушки были очень привлекательны и сочетались с цветом ее кожи и рыжими волосами. Но он не видел их тогда, на заре, когда она была его сном. Он со стыдом и сожалением отметил, что обижен на нее – ведь она перестала быть мечтой – и что он никогда не простит себе этого сожаления.

– погоди, – повторил он. – Июля... Я хотел...

– замолчи, Геральт, – сказала Нэннеке. – Она все равно не ответит. Уходи, Июля. Поторопись, дитя мое.

Девушка, завернувшись в накидку, поспешила к двери, шлепая по полу босыми ногами, смущенная, порозовевшая, неловкая. Она уже ничем не напоминала...

Йеннифэр.

– Нэннеке, – сказал он, натягивая рубаху. – Надеюсь, ты не в претензии... Ты ее не накажешь?

– Дурачок, – фыркнула жрица, подходя к ложу. – Забыл, где ты? Это же не келья и не Совет старейшин. Это храм Мелитэле. Наша богиня не запрещает жрицам... ничего. Почти.

– Но ты запретила мне разговаривать с ней.

– Не запретила, а указала на бессмысленность этого. Июля молчит.

– Что?

– Молчит, потому что дала такой обет. Это одна из форм самопожертвования, благодаря которому... А, что там объяснять, все равно не поймешь, даже не попытаешься понять. Я знаю твое отношение к религии. погоди, не одевайся. Хочу взглянуть, как заживает шея.

Она присела на край ложа, ловко смотала с шеи ведьмака плотную льняную повязку. Он поморщился от боли.

Сразу же по его прибытии в Элландер Нэннеке сняла чудовищные толстые швы из сапожной дратвы, которыми его зашили в Вызиме, вскрыла рану, привела ее в порядок и перебинтовала заново. Результат был налицо – в храм он приехал почти здоровым, ну, может, не вполне подвижным. Теперь же он снова чувствовал себя больным и разбитым. Но не протестовал. Он знал жрицу долгие годы, знал, как велики ее познания в целительстве и сколь богата и разнообразна ее аптека. Лечение в храме Мелитэле могло пойти ему только на пользу.

Нэннеке ошупала рану, промыла ее и начала браниться. Все это он уже знал наизусть. Жрица не упускала случая поворчать всякий раз, как только ей на глаза попадалась памятка о когтях вызимской принцессы.

– Кошмар какой-то! Позволить самой обыкновенной упирице так изуродовать себя! Мускулы, жилы, еще чуть-чуть – и она разодрала бы сонную артерию! Великая Мелитэле, Геральт, что с тобой? Как ты мог подпустить ее так близко? Что ты собирался с ней сделать? Оттрахать?

Он не ответил, только кисло улыбнулся.

– Не строй дурацкие рожи. – Жрица встала, взяла с комода сумку с медикаментами. Несмотря на полноту и небольшой рост, двигалась она легко и даже с шармом. – В случившемся нет ничего забавного. Ты теряешь быстроту реакций, Геральт.

– Преувеличиваешь.

– И вовсе нет. – Нэннеке наложила на рану зеленую кашицу, резко пахнущую эвкалиптом. – Нельзя было позволять себя ранить, а ты позволил, к тому же очень серьезно. Прямотаки пагубно. Даже при твоих невероятных регенеративных возможностях пройдет несколько месяцев, пока полностью восстановится подвижность шеи. Предупреждаю, временно воздержись от драк с бойкими противниками.

– Благодарю за предупреждение. Может, еще посоветуешь, на какие гроши жить? Собрать полдюжины девочек, купить фургон и организовать передвижной бордель?

Нэннеке, пожав плечами, быстрыми уверенными движениями полных рук перевязала ему шею.

– Учить тебя жить? Я что, твоя мать? Ну, готово. Можешь одеваться. В трапезной ожидает завтрак. Поспеши, иначе будешь обслуживать себя сам. Я не собираюсь держать девушек на кухне до обеда.

– Где тебя найти? В святилище?

– Нет. – Нэннеке встала. – Не в святилище. Тебя здесь любят, но по святилищу не шлейся. Иди погуляй. Я найду тебя сама.

– Хорошо.

2

Геральт уже в четвертый раз прошелся по обсаженной тополями аллейке, идущей от ворот к жилым помещениям и дальше в сторону утопленного в обрывистую скалу блока святилища и главного храма. После краткого раздумья он решил не возвращаться под крышу и свернул к садам и хозяйственным постройкам. Там несколько послушниц в серых рабочих одеждах пропальвали грядки и кормили в курятниках птиц. В основном это были молодые и очень молодые девушки, почти дети. Некоторые, проходя мимо, приветствовали его кивком или улыбкой. Он отвечал, но не узнавал ни одной. Хоть и бывал в храме часто, порой два в год, но никогда не встречал больше трех-четырёх знакомых лиц. Девушки приходили и уходили – вещуньями в другие храмы, повитухами и лекарками, специализирующимися по женским и детским болезням, странствующими друидками, учительницами либо гувернантками. Но не было недостатка в новых, прибывающих отовсюду, даже из самых удаленных районов. Храм Мелитэле в Элландере пользовался широкой известностью и заслуженной славой.

Култ богини Мелитэле был одним из древнейших, а в свое время – и самых распространенных и уходил корнями в незапамятные, еще дочеловеческие времена. Почти каждая нелюдская раса и каждое первобытное, еще кочевое, человеческое племя почитали какую-либо богиню урожая и плодородия, покровительницу земледельцев и огородников, хранительницу любви и домашнего очага. Большая часть культов слилась, породив культ Мелитэле. Время, которое довольно безжалостно поступило с другими религиями и культурами, надежно изолировав их в забытых, редко навещаемых, затерявшихся в городских кварталах церковках и храмах, милостиво обошлось с Мелитэле. У Мелитэле по-прежнему не было недостатка ни в последователях, ни в покровителях. Ученые, анализируя популярность богини, обычно обращались к древнейшим культам Великой Матери, Матери Природы, указывали на связи с природными циклами, с возрождением жизни и другими пышно именуемыми явлениями. Друг Геральта, трубадур Лютик, мечтавший стать авторитетом во всем мыслимом, искал объяснений попроще. Культ Мелитэле, говорил он, – культ типично женский. Мелитэле – патронесса плодовитости, рождения, она опекунша повивальных бабок. А рожаящая женщина должна кричать. Кроме обычных визгов, суть которых, как правило, сводится к клятвенным заверениям, что-де она больше ни за какие коврижки не отдастся ни одному паршивому мужику, рожаящая женщина должна призывать на помощь какое-либо божество, а Мелитэле для этого подходит как нельзя лучше. Поскольку же, утверждал поэт, женщины рожали, рожают и рожать будут, постольку богине Мелитэле потеря популярности не грозит.

– Геральт.

– Ты здесь, Нэннеке? Я искал тебя.

– Меня? – усмехнулась жрица. – Не Июлю?

– Июлю тоже, – признался он. – Ты против?

– Сейчас – да. Не хочу, чтобы ты мешал ей и отвлекал. Ей надо готовиться и молиться, если мы хотим, чтобы из ее транса что-нибудь получилось.

– Я уже говорил тебе, – холодно сказал он, – что не хочу никакого транса. Не думаю, чтобы от него была какая-то польза.

– А я, – слегка поморщилась Нэннеке, – не думаю, чтобы от него был какой-то вред.

– Загипнотизировать меня не удастся, у меня иммунитет. Боюсь я за Июлю. Для нее как для медиума это может оказаться чрезмерным усилием.

– Июля не медиум и не умственно отсталая ворожея, а девочка, пользующаяся особым расположением богини. Будь добр, не делай глупых мин. Я сказала, что твое отношение к религиям мне известно. Но мне это никогда особенно не мешало и, думаю, не помешает в будущем. Я не фанатичка. Тебе никто не запрещает считать, что нами правит Природа и скрытая в ней

мощь. Тебе вольно думать, что боги, в том числе и моя Мелитэле, – всего лишь персонификация этой Мощи, придуманная для простачков, чтобы они легче ее поняли, признали ее существование. По-твоему, это слепая сила. А мне, Геральт, вера позволяет ожидать от природы того, что воплощено в моей богине: порядка, принципов, добра. И надежды.

– Знаю.

– Ну, а коли знаешь, почему не доверяешь трансу? Чего боишься? Что я заставлю тебя биться лбом об пол перед статуей и распевать псалмы? Да нет же, Геральт! Мы просто немного посидим вместе, ты, я и Иоля. И посмотрим, позволяют ли способности этой девочки разобратся в клубке опутывающих тебя сил. Может, узнаем что-нибудь, о чем хорошо было бы знать. А может, не узнаем ничего. Возможно, окружающие тебя силы Предназначения не пожелают объявиться нам, останутся скрытыми и непонятыми. Не знаю. Но почему бы не попробовать?

– Потому что это бессмысленно. Не окружают меня никакие клубки Предназначений. А если даже и окружают, то на кой ляд в них копать?

– Геральт, ты болен.

– Ты хотела сказать – ранен.

– Я знаю, что хотела сказать. С тобой что-то неладно, я чувствую.

Ведь я знаю тебя с малолетства, ты тогда доставал мне только до пояса. А теперь чувствую, тебя захватил какой-то дьявольский вихрь, ты запутался, попал в петлю, которая постепенно затягивается вокруг тебя. Я хочу знать, в чем дело. Самой мне не суметь, я вынуждена положиться на способности Иоли.

– Не слишком ли глубоко ты надумала проникнуть? И к чему эта метафизика? Если хочешь, я исповедуюсь тебе. Заполню твои вечера рассказами о самых интересных событиях последних нескольких лет. Вели приготовить бочонок пива, чтобы у меня в горле не пересыхало, и можно начать хоть сейчас. Только боюсь, ты разочаруешься, потому что никаких петель и клубков в моих рассказах не найдешь. Так, простые ведьмачьи истории.

– Послушаю с удовольствием. Но транс, повторяю, не помешал бы.

– А тебе не кажется, – усмехнулся он, – что мое неверие в смысл такого транса заранее перехеривает его целесообразность?

– Не кажется. И знаешь почему? – Нэннеке наклонилась, заглянула ему в глаза, странно улыбнулась. – Потому что это было бы первое известное мне доказательство того, что неверие имеет какую-либо силу.

Крупница истины

1

Черные точки, движущиеся по светлomu, исполосованному облаками небу, привлекли внимание ведьмака. Их было много. Птицы парили, выписывая правильные, спокойные круги, потом резко падали и тут же взмывали, трепеща крыльями.

Ведьмак долго наблюдал за птицами, стараясь определить расстояние и хотя бы приблизительно время, потребное на то, чтобы преодолеть его, с поправкой на рельеф местности, густоту леса, глубину и направление яра, о существовании которого он подозревал. Наконец откинул плащ, затянул на две дырочки ремень, наискось пересекающий грудь. Эфес и рукоять меча, висевшего за спиной, выглянули из-за правого плеча.

– Накинем пару верст, Плотвичка, – сказал ведьмак. – Сойдем с тракта. Сдается, пташки кружат не без причины.

Кобыла, само собой, не ответила, но двинулась с места, послушная привычному голосу.

– Кто знает, может, там лось валяется, – сказал Геральт. – А может, и не лось. Кто знает?

Яр действительно оказался там, где он и ожидал, – ведьмак сверху окинул взглядом кроны деревьев, плотно заполняющих распадок. Однако склоны яра были пологими, а дно сухое, без терновника и гниющих стволов. Он легко выбрался на противоположный склон. Там раскинулся березняк, за ним – большая поляна, вересковые заросли и бурелом, тянущий кверху щупальца спутанных веток и корней.

Птицы, спугнутые появлением верхового, взмыли выше, раскричались пронзительно, хрипло.

Геральт сразу же увидел первый труп – белизна овчинного кожушка и матовая голубизна платья резко выделялись на фоне пожелтевших островков осоки. Второго трупа видно не было, но он знал, где тот лежит, – положение тела выдавали позы трех присевших на задние лапы волков, спокойно взиравших на ездока. Кобыла фыркнула. Волки как по команде не спеша беззвучно потрусил в лес, то и дело оборачивая на прищельца вытянутые морды. Геральт соскочил с лошади.

У женщины в кожушке и голубом платье не было лица, горла и большей части левого бедра. Ведьмак прошел мимо, не наклонившись. Мужчина лежал лицом к земле. Геральт не стал переворачивать тело, видя, что и здесь волки и птицы не сплеховали. Впрочем, детальнее рассматривать труп не было нужды – плечи и спину шерстяной куртки покрывал ветвистый узор черной засохшей крови. Мужчина явно погиб от удара в шею, а волки изуродовали тело уже потом.

Кроме короткого меча в деревянных ножнах у мужчины на широком поясе висел кожаный мешочек. Ведьмак сорвал его, вывалил на траву кресало, кусочек мыла, воск для печатей, горсть серебряных монет, складной, в кожаном футляре нож для бритья, кроличье ухо, три ключа на кольце, амулет с фаллическим символом. Два письма, написанных на полотне, намокли от дождя и росы, руны расплылись, размазались. Третье, на пергаменте, тоже подпорченное влагой, все же возможно было прочесть. Это оказалось кредитное поручение, выданное мурривельским банком гномов купцу по имени Рулле Аспен или Аспем. Сумма была невелика.

Геральт наклонился, приподнял правую руку мужчины. Как он и ожидал, на медном кольце, врезавшемся в распухший и посиневший палец, был вычеканен знак цеха оружейников – стилизованный шлем с забралом, два скрещенных меча и выгравированная под ними руна «А». Ведьмак вернулся к телу женщины. Когда переворачивал тело, что-то кольнуло его в палец. Роза, приколотая к платью. Цветок увял, но лепестки сохранили свой цвет – темно-голу-

бой, почти синий. Геральт впервые видел такую розу. Он перевернул тело на спину и вздрогнул. На искалеченной шее женщины четко отпечатались следы зубов. Не волчьих.

Ведьмак осторожно попятился к лошади. Не отрывая взгляда от опушки леса, забрался в седло. Дважды объехал поляну, наклонившись, внимательно рассматривал землю, то и дело оглядываясь, потом, придержав лошадь, тихо сказал:

– Да, Плотвичка, дело ясное, хоть и не до конца. Оружейник и женщина приехали верхом, со стороны вон того леса. Конечно, направлялись из Мурривеля домой – ведь никто не возит при себе неиспользованные аккредитивы. Ну а почему ехали здесь, а не по тракту – вопрос. И двигались через вересковые заросли бок о бок. Хотелось бы знать, почему оба слезли или свалились с коней. Оружейник погиб сразу. Женщина бежала, потом упала и тоже скончалась, а та погань, что не оставила следов, тащила ее по земле, ухватив зубами за шею. Стряслось это два или три дня назад. Кони разбрелись, не станем их искать.

Плотва, разумеется, не ответив, беспокойно фыркнула, реагируя на знакомый тон голоса.

– Убил их, конечно, – продолжал Геральт, глядя на опушку, – не оборотень и не леший. Ни тот ни другой не оставили бы столько поживы для любителей полакомиться падалью. Если бы здесь было болото, я бы сказал, что это кикимора или глумец. Но здесь нет болот.

Наклонившись, ведьмак немного отвернул попону, прикрывавшую бок лошади, открыл притороченный к вьюку второй меч с блестящей узорчатой чашкой эфеса и черной рифленой рукоятью.

– Да, Плотвичка. Сделаем-ка мы с тобой крюк. Надо посмотреть, чего ради оружейник и женщина ехали лесом, а не по тракту. Если будем спокойно проезжать мимо таких штучек, то не заработаем даже тебе на овес, согласна? А, Плотва?

Лошадь послушно двинулась вперед по бурелому, осторожно обходя ямы от вывороченных с корнями деревьев.

– Хоть это и явно не оборотни, рисковать нам ни к чему, – продолжал ведьмак, доставая из торбы, притороченной к седлу, пучок борца и вешая его на мундштук. Лошадь фыркнула. Геральт расшнуровал куртку у шеи, вытащил медальон с ощерившейся волчьей мордой. Медальон, висевший на серебряной цепочке, раскачивался в такт хода лошади, ртутью поблескивая в лучах солнца.

2

Красные черепицы конической крыши, увенчивающей башню, он заметил с вершины взгорья, на которую поднялся, срезав поворот еле заметной тропинки. Склон, поросший орешником, перекрытый иссохшими ветками, усеянный ковром желтых листьев, был довольно крут. Ведьмак вернулся назад, осторожно спустился с холма, выехал на тропинку. Он ехал медленно, то и дело придерживая Плотвичку, и, свесившись с седла, высматривал следы. Лошадь дернула головой, дико заржала, заплясала на тропке, вздымая копытами облака высохших листьев. Геральт, охватив шею Плотвы левой рукой, правую сложил в Знак Аксиий и водил ею над головой лошади, шепча заклинания.

– Неужто так уж скверно? – проворчал он, осматриваясь кругом и не снимая Знака. – Надо же! Спокойно, Плотвичка, спокойно.

Магия подействовала быстро, но подгоняемая ногой лошадь все же тронулась с места тяжело, с трудом, тупо, как-то ходульно, утратив размеренный ритм движения. Ведьмак ловко прыгнул на землю и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. И наткнулся на забор.

Между каменным забором и лесом не было просвета, листва молодых деревьев и кустов можжевельника спутывалась с плющом и диким виноградом, цеплявшимся за камни. Геральт задрал голову. И тут же почувствовал, как по шее, щекоча, приподнимая волосы, присасывается и ползет какое-то невидимое мягкое существо. Он знал, в чем дело.

Кто-то глядел.

Он медленно, стараясь не делать резких движений, обернулся. Плотвичка фыркнула, мышцы у нее на шее задрожали под кожей. На склоне, с которого он только что спустился, неподвижно, опершись одной рукой о ствол ольхи, стояла девушка. Ее белое облегающее платье контрастировало с блестящими иссиня-черными растрепанными волосами, спадающими на плечи. Геральту показалось, будто она улыбается, но уверенности не было – она стояла слишком далеко.

– Привет! – бросил он, подняв руку в дружественном жесте, и шагнул в ее сторону.

Девушка, слегка поворачивая голову, следила за его движениями. У нее было бледное лицо и огромные черные глаза. Улыбка – если это была улыбка – слетела с ее губ, словно ее стерли ластиком. Геральт сделал еще шаг. Зашелестели листья. Девушка косулей сбежала по склону, промчалась меж кустов можжевельника и, превратившись в белую черточку, скрылась в глубине леса. Длинное платье, казалось, вовсе не ограничивало свободу ее движений. Лошадь ведьмака, вздернув морду, испуганно заржала. Геральт, все еще глядевший в сторону леса, машинально успокоил ее Знаком. Ведя Плотву за уздечку, пошел вдоль забора, по пояс утопая в лопухах. Висящие на проржавевших петлях массивные, окованные железом ворота украшала большая латунная колотушка. После недолгого колебания Геральт протянул руку и коснулся позеленевшего металла. И сразу отскочил, потому что ворота тут же со скрипом распахнулись, разгоняя по сторонам пучки травы, камушки и ветви. За воротами не было никого – лишь пустой двор, запущенный, заросший крапивой. Ведьмак вошел, ведя лошадь за собой. Одурманенная Знаком лошадь не сопротивлялась, но ноги ставила жестко и неуверенно.

Двор с трех сторон был окружен забором и остатками деревянных строительных лесов, четвертую образовывала фасадная стена здания, усеянная оспинами отвалившейся штукатурки, грязными потеками, увитая плющом. Облезлые ставни были закрыты. Двери тоже.

Геральт накинул поводья Плотвички на столбик у ворот и медленно направился к дому по щебенчатой аллейке, проходящей вдоль низкой стенки небольшого фонтана, забитого листьями и мусором. Посередине фонтана на вычурном цоколе вздымался, выгибая к небу отбитый хвост, дельфин, вытесанный из белого камня.

Рядом с фонтаном, на чем-то вроде древней клумбы, рос розовый куст. Ничем, кроме цвета, он не отличался от других кустов роз, какие доводилось видеть Геральту. Цветы были исключением – индиго с легкой примесью пурпура на кончиках некоторых лепестков. Ведьмак коснулся одного, наклонился, понюхал. У цветков был типичный для роз, но немного более резкий запах. Дверь особняка, а одновременно и все ставни с треском распахнулись. Геральт быстро поднял голову. По аллейке, скрипя щебенкой, прямо на него перло чудище.

Правая рука ведьмака мгновенно взвилась над правым плечом, в тот же миг левая рванула ремень на груди, и рукоять меча сама скользнула в руку. Клинок с шипением выскочил из ножен, описал короткий огненный полукруг и замер, уставившись концом на мчащуюся бестию. Увидев меч, чудище резко остановилось. Щебень прыснул во все стороны. Ведьмак даже не дрогнул. Существо было человекообразным, выряженным в довольно истрепанную, но хорошего качества одежду, не лишенную со вкусом подобранных, хоть и совершенно нефункциональных украшений. Однако человекообразность эта доходила лишь до грязноватого жабо, а выше вздымалась огромная, косматая медвежья голова с гигантскими ушами, парой диких глазищ и жуткой пастью с кривыми клыками, в которой ярким пламенем шевелился красный язык.

– Вон отсюда, смертный! – рявкнуло чудище, размахивая лапами, но не двигаясь с места. – Сожру! Разорву в клочья!

Ведьмак не шелохнулся, не опустил меча.

– Оглох, что ли? Вон, говорю, отсюда! – зарычало чудище и исторгло из глубин своих звук, напоминающий нечто между визгом свиньи и рыком оленя-самца. Ставни залопотали и захлопали, стряхивая мусор и штукатурку с парапетов. При этом ни ведьмак, ни чудище даже не пошевелились.

– Проваливай, покамест цел! – заорало существо, но вроде бы не так уж уверенно. – А то...

– Что «а то»? – прервал Геральт.

Чудище бурно засопело, наклонило ужасную голову.

– Гляньте-ка, храбрец выискался, – сказало оно спокойно, скаля клыки и глядя на Геральта кроваво-красным глазом. – Опустит свою железяку. Изволь. Может, еще не усек, что ты находишься во дворе моего личного дома? Или там, откуда ты родом, принято угрожать хозяевам мечами на их собственных подворьях?

– Принято, – сказал Геральт. – Но только тем хозяевам, которые приветствуют гостей ревом и посулами разорвать в клочья.

– Ишь ты, – занервничало чудище, – еще оскорбляет, бродяга. Тоже мне гость сыскался. Прет во двор, вытаптывает чужие цветы, распоряжается как дома и думает, что ему немедля поднесут хлеб-соль! Тьфу на тебя!

Чудище сплюнуло, засопело и захлопнуло пасть. Нижние клыки остались снаружи, придавая ему вид кабана-одиночки.

– Ну и что? – сказал ведьмак, опуская меч. – Так и будем стоять?

– А есть другие предложения? Лечь? – хохотнуло чудище. – Говорю же, спрячь железяку.

Ведьмак ловко засунул оружие в ножны на спине, не опуская руки, погладил оголовку, торчащую выше плеча.

– Желательно, – сказал он, – чтоб ты не делал слишком резких движений. Этот меч можно вынуть в любой момент и быстрее, чем думаешь.

– Видел, – кашлянуло чудище. – Если б не это, ты уже давно был бы за воротами с отметиной моего каблука на заднице. Чего тебе тут надо? Откуда ты взялся?

– Заплутал, – солгал ведьмак.

– Заплутал, – повторило чудище, грозно скривив пасть. – Ну, так выплутывайся. За ворота, стало быть. Обороти левое ухо к солнцу и так и держись – попадешь на тракт. Ну, чего ждешь?

– Вода тут есть? – спокойно спросил Геральт. – Лошадь пить хочет. Да и я тоже. Если тебе это не в тягость.

Чудище переступило с ноги на ногу, почесало ухо.

– Слушай, ты. Ты что, меня в самом деле не боишься?

– А надо?

Чудище оглянулось, откашлялось, размашисто подтянуло широкие штаны.

– Ладно, чего уж. Гость в дом. Не каждый день встречается человек, который, увидев меня, не драпанул бы или не свалился без чувств. Ну, добро. Ежели ты усталый, но порядочный путник, приглашаю. Но ежели разбойник или вор, знай – дом выполняет мои приказы. За этими стенами команду я!

Он поднял косматую лапу. Ставни тут же заколотились о стену, а в каменном горле дельфина что-то глухо забулькало.

– Приглашаю, – повторил он.

Геральт не пошевелился, внимательно глядя на него.

– Один живешь?

– А тебе какое дело, с кем? – зло проговорило чудище, разевая пасть, а потом громко расхохоталось. – Ага, понимаю. Небось, думаешь, держу сорок молодцов, красавцев вроде меня. Нет, не держу. Ну так как, черт побери, воспользуешься приглашением от чистого сердца? Ежели нет, то ворота вон там, как раз за твоим задом.

Геральт сдержанно поклонился и сухо ответил:

– Принимаю приглашение. Закон гостеприимства не нарушу.

– Мой дом – твой дом, – ответило чудище столь же сухо. – Прошу сюда. А кобылу поставь там, у колодца.

Дом внутри тоже требовал солидного ремонта, однако в нем было в меру чисто и опрятно. Мебель вышла, вероятно, из рук хороших мастеров, даже если это и произошло давным-давно. В воздухе витал ощутимый запах пыли. Было темно.

– Свет! – буркнуло чудище, и лучина, воткнутая в железный захват, незамедлительно вспыхнула и выдала пламя и копоть.

– Недурственно, – бросил ведьмак.

– И всего-то? – захохотало чудище. – Похоже, тебя чем попало не проймешь. Я же сказал, дом выполняет мои приказы. Прошу сюда. Осторожнее – лестница крутая. Свет!

На лестнице чудище обернулось.

– А что это у тебя на шее болтается, гостюшка? А?

– Посмотри.

Чудище взяло медальон в лапу, поднесло к глазам, слегка натянув цепочку на шее Геральта.

– У этого животного неприятное выражение... лица. Что это?

– Цеховой знак.

– Ага, вероятно, твое ремесло – намордники? Прошу сюда. Свет!

Середину большой комнаты, в которой не было ни одного окна, занимал огромный дубовый стол, совершенно пустой, если не считать большого подсвечника из позеленевшей латуни, увитого фестонами застывшего воска. Выполняя очередную команду, свечи зажглись, замигали, немного осветив помещение.

Одна из стен была увешана оружием – композициями из круглых щитов, скрещивающихся алебард, рогатин и гизард, тяжелых мечей и топоров. Половину прилегающей стены занимал огромный камин, над которым располагались ряды шелушащихся и облезлых портретов. Стену напротив входа заполняли охотничьи трофеи – лопаты лосиных рогов, ветвистые рога оленей отбрасывали длинные тени на головы кабанов, медведей и рысей, на взъерошенные и расчехранные крылья орлиных и ястребиных чучел. Центральное, почетное место занимала отливающая старинной бронзой, подпорченная, с торчащей из дыр паклей голова скального дракона. Геральт подошел ближе.

– Его подстрелил мой дедуля, – сказала чудище, кидая в камин огромное полено. – Пожалуй, это был последний дракон в округе, позволивший себя поймать. Присаживайся, гость. Голоден?

– Не откажусь, хозяин.

Чудище уселось за стол, опустило голову, сплело на животе косматые лапы, некоторое время что-то бормотало, крутя большими пальцами, потом негромко рыкнуло, хватив лапой о стол. Тарелки и блюда оловянно и серебристо звякнули, хрустально зазвонили кубки. Запахло жарким, чесноком, душицей, мускатным орехом. Геральт не выдал удивления.

– Так, – потерло лапы чудище. – Получше, чем слуги, а? Утощайся, гость. Вот пулярка, вот ветчина, это паштет из... Не знаю из чего. Это вот рябчики. Нет, ядрена вошь, куропатки. Перепутал, понимаешь, заклинания. Ешь, ешь. Настоящая, вполне приличная еда, не бойся.

– Я и не боюсь. – Геральт разорвал пулярку пополам.

– Совсем забыл, – усмехнулось чудище, – что ты не из пугливых. А звать тебя, к примеру, как?

– Геральт. А тебя, хозяин? К примеру же.

– Нивеллен. Но в округе кличут Ублюдком либо Клыкачом. И детей мною пугают. – Чудище опрокинуло в глотку содержимое гигантского кубка, затем погрузило пальцы в паштет, выхватив из блюда половину за раз.

– Детей, говоришь, пугают, – проговорил Геральт с набитым ртом. – Надо думать, без причин?

– Абсолютно. Твое здоровье, Геральт!

– И твое, Нивеллен.

– Ну как винцо? Заметил, виноградное, не яблочное. Но ежели не нравится, наколдую другого.

– Благодарствую. Вполне, вполне. Магические способности у тебя врожденные?

– Нет. Появились, когда это выросло. Морда, стало быть. Сам не знаю, откуда они взялись, но дом выполняет все, чего ни захочу. Ничего особенного. Так, мелочь. Умею наколдовать жратву, выпивку, одежду, чистую постель, горячую воду, мыло. Любая баба сумеет и без колдовства. Отворяю и запираю окна и двери. Разжигаю огонь. Ничего особенного.

– Ну как-никак, а все же... А эта... как ты сказал, морда, она давно у тебя?

– Двенадцать лет.

– Как это вышло?

– А тебе не все равно? Лучше налей еще.

– С удовольствием. Мне-то без разницы, просто любопытно.

– Повод вполне понятный и в принципе приемлемый, – громко рассмеялось чудище. – Но я его не принимаю. Нет тебе до этого дела, и вся недолга. Однако, чтобы хоть малость удовлетворить твое любопытство, покажу, как я выглядел до того. Взгляни-ка туда, на портреты. Первый от камина – мой папуля. Второй – хрен его знает кто. Третий – я. Видишь?

Из-под пыли и тенет с портрета водянистыми глазами взирал какой-то толстячок с пухлой, грустной и прыщавой физиономией. Геральт, который и сам, на манер некоторых портретистов, бывал склонен польстить клиентам, грустно покачал головой.

– Ну, видишь? – осклабившись, повторил Нивеллен.

– Вижу.

– Ты кто такой?

– Не понял.

– Не понял, стало быть? – чудище подняло голову. Глаза у него загорелись, как у кота. – Мой портрет, гостюшка, висит в тени. Я его вижу, но я-то не человек. Во всяком случае, сейчас. Человек, чтобы рассмотреть портрет, подошел бы ближе, скорее всего взял бы свечу. Ты этого не сделал. Вывод прост. Но я спрашиваю без обиняков: ты человек?

Геральт не отвел взгляда.

– Если ты так ставишь вопрос, – ответил он после недолгого молчания, – то не совсем.

– Ага. Вероятно, я не совершу бестактности, если спрошу, кто же ты в таком разе?

– Ведьмак.

– Ага, – повторил Нивеллен, немного помолчав. – Если мне память не изменяет, ведьмаки довольно своеобразно зарабатывают на жизнь. За плату убивают разных чудищ.

– Не изменяет.

Снова наступила тишина. Языки пламени пульсировали, устремлялись вверх тонкими усиками огня, отражались блесками в резном хрустале кубков, в каскадах воска, стекающего по подсвечнику. Нивеллен сидел неподвижно, слегка шевеля огромными ушами.

– Допустим, – сказал он наконец, – ты ухитришься вытащить меч прежде, чем я на тебя прыгну. Допустим, даже успеешь меня полоснуть. При моем весе это меня не остановит, я повалю тебя с ходу. А потом дело докончат зубы. Как думаешь, ведьмак, у кого из нас двоих больше шансов перегрызть другому глотку?

Геральт, придерживая большим пальцем оловянную крышку графина, налил себе вина, отхлебнул, откинулся на спинку стула. Он глядел на чудище ухмыляясь, и ухмылка была исключительно паскудной.

– Та-а-ак, – протянул Нивеллен, ковыряя когтем в уголке пасти. – Надобно признать, ты умеешь отвечать на вопросы, не разбрасываясь словами. Интересно, как ты справишься со следующим? Кто тебе за меня заплатит?

– Никто. Я тут случайно.

– А не врешь?

– Я не привык врать.

– А к чему привык? Мне рассказывали о ведьмаках. Я запомнил, что ведьмаки похищают маленьких детей, которых потом пичкают волшебными травами. Кто выживет, становится ведьмаком, волшебником с нечеловеческими способностями. Их учат убивать, искореняют в них всяческие человеческие чувства и рефлексy. Из них делают чудовищ, задача которых уничтожать других чудовищ. Я слышал, говорили, уже пора начать охоту на ведьмаков, потому как чудовищ становится все меньше, а ведьмаков – все больше. Отведай куропатку, пока вовсе не остыла.

Нивеллен взял с блюда куропатку, целиком запихал в пасть и сжевал, словно сухарик, хрустя косточками.

– Молчишь? – спросил он невнятно, проглатывая птичку. – Что из сказанного правда?

– Почти ничего.

– А вранье?

– То, что чудовищ все меньше.

– Факт, их немало, – ощерился Нивеллен. – Представитель оных как раз сидит перед тобой и раздумывает, правильно ли поступил, пригласив тебя. Мне сразу не понравился твой цеховой знак, гостюшка.

– Ты – никакое не чудовище, Нивеллен, – сухо сказал ведьмак.

– А, черт, что-то новенькое. Тогда кто же я, по-твоему? Клюквенный кисель? Клин диких гусей, тянущийся к югу тоскливым ноябрьским утром? Нет? Так, может, я – святая невинность, потерянная у ручья сисястой дочкой мельника? Э? Геральт? Ну скажи, кто я такой? Неужто не видишь – я аж весь трясусь от любопытства?

– Ты не чудовище. Иначе б не смог прикоснуться к этой вот серебряной тарелке. И уж ни в коем случае не взял бы в руку мой медальон.

– Ха! – рявкнул Нивеллен так, что язычки пламени свечей на мгновение легли горизонтально. – Сегодня явно день раскрытия страшных секретов! Сейчас я узнаю, что уши у меня выросли, потому что я еще сосунком не любил овсянки на молоке!

– Нет, Нивеллен, – спокойно сказал Геральт. – Это – результат сглаза. Уверен, ты знаешь, кто навел на тебя порчу.

– А если и знаю, то что?

– Порчу можно снять. И довольно часто.

– Ты как ведьмак, разумеется, умеешь снимать порчу. Довольно часто?

– Умею. Хочешь попробовать?

– Нет. Не хочу.

Чудище раскрыло пасть и вывесило красный язычище длиной в две пяди.

– Ну что, растерялся?

– Верно, – признался ведьмак.

Чудище захохотало, откинулось на спинку стула.

– Я знал, что растеряешься. Налей себе еще, сядь поудобнее. Расскажу тебе всю эту историю. Ведьмак не ведьмак, а глаза у тебя не злые. А мне, видишь ли, приспичило поболтать. Налей себе.

– Уже нечего наливать-то.

– Дьявольщина, – откашлялось чудище, потом снова хватануло лапой по столу. Рядом с двумя пустыми графинами неведомо откуда появился большой глиняный кувшин в ивовой оплетке. Нивеллен сорвал клыками восковую печать.

– Как ты, вероятно, заметил, – начал он, наполняя кубки, – округа довольно пустынна. До ближайших людских поселений идти да идти. Потому как, понимаешь, папуля с дедулей в свое время особой любовью ни у соседей, ни у проезжих купцов не пользовались. Каждый,

кто сюда заворачивал, в лучшем случае расставался с имуществом, если папуля примечал его с башни. А несколько ближних поселков сгорели, потому как папуля, видишь ли, решил, что они задерживают оброк. Мало кто любил моего папулю. Кроме меня, разумеется. Я страшно плакал, когда однажды на возу доставили то, что осталось от моего папочки после удара двуручным мечом. Дедуля в ту пору уже не разбойничал, потому что с того дня, как получил по черепушке железным шестопером, жутко заикался, пускал слюни и редко когда вовремя успевал добежать до сортира. Получилось, что мне как наследнику досталось возглавить дружину.

– Молод я тогда был, – продолжал Нивеллен. – Прямо молокосос, так что парни из дружины мигом меня окружили. Командовал я ими, как понимаешь, не лучше, чем, скажем, поросенок волчьей стаей. Вскоре начали мы вытворять такое, чего папочка, будь он жив, никогда бы не допустил. Опускаю детали, перехожу сразу к сути. Однажды отправились мы аж под самый Гелибол, что под Миртом, и грабанули храм. Вдобавок ко всему была там еще и молоденькая жричка.

– Что за храм, Нивеллен?

– Хрен его знает. Но, видать, скверный был храм. Помню, на алтаре лежали черепа и мослы, горел зеленый огонь. Воняло, аж жуть! Но ближе к делу. Парни прижали жричку, стянули с нее одежду, а потом сказали, что, мол, мне пора уже стать мужчиной. Ну, я и стал, дурной сопляк. В ходе становления жричка плюнула мне в морду и что-то выкрикнула.

– Ну?

– Что я – чудище в человеческой шкуре, что буду чудищем из чудищ, что-то о любви, о крови, не помню. Кинжальчик маленький такой был у нее, кажется, спрятан в прическе. Она покончила с собой, и тут... Драпанули мы оттуда, Геральт, так что чуть коней не загнали. Нет. Скверный был храм...

– Продолжай.

– Дальше было так, как сказала жричка. Дня через два просыпаюсь утром, а слуги, как меня увидели, в рев. И в ноги – бац! Я к зеркалу... Понимаешь, Геральт, запаниковал я, случился со мной какой-то припадок, помню, как сквозь туман. Короче говоря, трупы. Несколько. Хватал все, что только под руку попадало, и вдруг стал страшно сильным. А дом помогал как мог: хлопали двери, летали по воздуху предметы, метался огонь. Кто успел, сбежал: тетушка, кухня, парни из дружины, да что там – сбежали даже собаки, воя и поджимая хвосты. Убежала моя кошечка Обжорочка. Со страху удар хватил даже тетушкиного попугая. И вот остался я один, рыча, воя, психуя, разнося в пух и прах что ни попадая, в основном зеркала.

Нивеллен замолчал, вздохнул, шмыгнул носом и продолжал:

– Когда приступ прошел, было уже поздно что-нибудь предпринимать. Я остался один. Никому не мог объяснить, что у меня изменилась только внешность, что, хоть и в ужасном виде, я остался по-прежнему всего лишь глупым пацаном, рыдающим в пустом замке над телами убитых слуг. Потом пришел жуткий страх: вот вернутся те, что спаслись, и прикончат меня, прежде чем я успею растолковать. Но никто не вернулся.

Уродец замолчал, вытер нос рукавом.

– Не хочется вспоминать те первые месяцы, Геральт. Еще и сегодня меня трясет. Давай ближе к делу. Долго, очень долго сидел я в замке, как мышь под метлой, не высывая носа со двора. Если кто-нибудь появлялся – а случалось это редко, – я не выходил, велел дому хлопнуть несколько раз ставнями либо рывал через водосточную трубу, и этого обычно хватало, чтобы от сбежавшего посетителя только туча пыли осталась. Но вот однажды выглянул я в окно и вижу, как ты думаешь, что? Какой-то толстяк срезает розы с тетушкиного куста. А надобно тебе знать, что это не хухры-мухры, а голубые розы из Назаира, саженцы привез еще дедуля. Злость меня взяла, выскочил я во двор. Толстяк, как только обрел голос, который потерял, увидев меня, провизжал, что хотел-де всего лишь взять несколько цветков для дочурки, и умолял простить его, даровать жизнь и здоровье. Я уже приготовился было выставить его за глав-

ные ворота, но тут кольнуло меня что-то, и вспомнил я сказку, которую когда-то рассказывала Леника, моя няня, старая тетеха. Черт побери, подумал я, вроде бы красивые девушки могут превратить лягушку в принца или наоборот, так, может... Может, в этой брехне есть крупица истины, какая-то возможность... Подпрыгнул я на две сажени, зарычал так, что дикий виноград посыпался со стены, и рявкнул:

«Дочка или жизнь!» Ничего лучшего в голову не пришло. И тут купец – а это был купец – кинулся в рев, потом признался, что его доченьке всего восемь годков. Ну смешно, а?

– Нет.

– Вот и я не знал, смеяться мне или плакать над своей паскудной судьбой. Жаль мне стало купца, смотреть было тошно, как он трясется, пригласил его в дом, угостил, а на прощание насыпал в мешок золота и камушков. А надобно тебе знать, что в подвалах, еще с папулиных времен, оставалось много добра, я не очень-то знал, что с ним делать, так что мог позволить себе широкий жест. Купец просиял, благодарил, аж всего себя оплевал. Видно, где-то похвалился своим приключением, потому что не прошло и двух месяцев, как прибыл сюда другой купец. Прихватил большой мешок. И дочку. Тоже не малую.

Нивеллен вытянул ноги под столом, потянулся так, что затрещал стул.

– Мы быстренько договорились с торгашом. Решили, что он оставит мне дочурку на год. Пришлось помочь ему закинуть мешок на мула, сам бы он не управился.

– А девушка?

– Сначала, увидев меня, лишилась чувств, думала, я ее съем. Но через месяц мы уже сидели за одним столом, болтали и совершали долгие прогулки. Но хоть она была вполне мила и на удивление толкова, язык у меня заплетался, когда я с ней разговаривал. Понимаешь, Геральт, я всегда робел перед девчатами, надо мной потешались даже девки из хлева, те, у которых вечно ноги в навозе и которых наши дружинники крутили как хотели, и так, и этак, и наоборот. Так даже они надо мной смеялись. Чего же ждать теперь-то, думал я, с этакой мордой? Я даже не решился сказать ей, чего ради так дорого заплатил за один год ее жизни. Год этот тянулся, как вонь за народным ополчением, и наконец явился купец и забрал ее. Я же с отчаяния заперся в доме и несколько месяцев не реагировал ни на каких гостей с дочками. Но после года, проведенного в обществе купцовой доченьки, я понял, как тяжело, когда некому слова молвить. – Уродец издал звук, долженствовавший означать вздох, но прозвучавший как икота.

– Следующую, – продолжил он немного погодя, – звали Фэнне. Маленькая, шустрая, болтливая, ну прям королек, только что без крылышек. И вовсе не боялась меня. Однажды, аккурат была годовщина моих пострижин, упились мы медовухи и... хе, хе. Я тут же выскочил из-под перины и к зеркалу. Признаюсь, был я обескуражен и опечален. Морда осталась какой была, может, чуточку поглупее. А еще говорят, мол, в сказках – народная мудрость! Хрен цена такой мудрости, Геральт! Ну, Фэнне скоренько постаралась, чтобы я забыл о своих печалях. Веселая была девчонка, говорю тебе. Знаешь, что придумала? Мы на пару пугали непрошенных гостей. Представь себе: заходит такой тип во двор, осматривается, а тут с ревом вылетаю я на четвереньках. А Фэнне, совсем без ничего, сидит у меня на заливке и трубит в дедулин охотничий рог!

Нивеллен затрясся от смеха, сверкнув белизной клыков.

– Фэнне, – продолжал он, – прожила у меня целый год, потом вернулась в семью с крупным приданым. Ухитрилась выйти замуж за какого-то шинкаря, вдовца.

– Продолжай, Нивеллен. Это интересно.

– Да? – сказала чудище, скребя за ушами. – Ну, ну. Очередная, Примула, была дочкой оскудевшего рыцаря. У рыцаря, когда он пожаловал сюда, был только тощий конь, проржавевшая кираса, и был он невероятно длинным. Грязный, как навозная куча, и источал такую же вонь. Примулу, даю руку на отсечение, видно, зачали, когда папочка был на войне, потому как была она вполне ладненькая. И в ней я тоже не возбуждал страха. И неудивительно, потому что по сравнению с ее родителем я мог показаться вполне даже ничего. У нее, как оказалось, был изрядный темперамент, да и я, обретя веру в себя, тоже не давал маху. Уже через две недели у нас с Примулой установились весьма близкие отношения, во время которых она любила дергать меня за уши и выкрикивать; «Загрызи меня, зверюга!», «Разорви меня, бестия!» и тому подобные идиотизмы. В перерывах я бегал к зеркалу, но, представь себе, Геральт, поглядывал в него с возрастающим беспокойством, потому как я все меньше жаждал возврата к прежней, менее работоспособной, что ли, форме. Понимаешь, раньше я был какой-то растяпистый, а

стал мужиком хоть куда. То, бывало, постоянно болел, кашлял и из носа у меня текло, теперь же никакая холера меня не брала. А зубы? Ты не поверишь, какие у меня были скверные зубы! А теперь? Могу перегрызть ножку от стула. Скажи, хочешь, чтобы я перегрыз ножку от стула? А?

– Не хочу.

– А может, так-то оно и лучше, – раззявил пасть уродец. – Девочек веселило, как я управлялся с мебелью, и в доме почти не оставалось целых стульев. – Нивеллен зевнул, при этом язык свернулся у него трубкой. – Надоела мне болтовня, Геральт. Короче говоря: потом были еще две – Илика и Венимира. Все шло как обычно. Тоска! Сначала смесь страха и настороженности, потом проблеск симпатии, подпитываемый мелкими, но ценными сувенирчиками, потом: «Грызи меня, съешь меня всю», потом возвращение ихних папуль, нежное прощание и все более ощутимый ущерб в сундуках. Я решил делать длительные перерывы на одиночество. Конечно, в то, что девичий поцелуйчик изменит мою внешность, я уже давно перестал верить. И смирился. Больше того, пришел к выводу, что все и так идет хорошо и ничего менять не надо.

– Так уж и ничего?

– Ну подумай сам. Я тебе говорил, мое здоровье связано именно с таким телом – это раз. Два: мое отличие действует на девушек как дурман. Не смейся! Я совершенно уверен, что в человеческом обличье мне пришлось бы здорово набегаться, прежде чем я нашел бы такую, например, Венимиру, весьма, скажу тебе, красивую девицу. Думаю, такой парень, каким я изображен на портрете, ее бы не заинтересовал. И, в-третьих, безопасность. У папули были враги, некоторым удалось выжить. У тех, кого отправила в мир иной дружина под моим печальным командованием, остались родственники. В подвалах – золото. Если б не ужас, который я внушаю, кто-нибудь да явился бы за ним. Например, кметы с вилами.

– Похоже, ты уверен, – бросил Геральт, поигрывая пустым кубком, – что в теперешнем своем виде никого не обидел. Ни одного отца, ни одной дочки. Ни одного родственника или жениха дочки. А, Нивеллен?

– Успокойся, Геральт, – буркнуло чудище. – О чем ты говоришь? Отцы чуть не обмочились от радости, увидев мою щедрость. А дочки? Ты бы посмотрел на них, когда они приходили в драных платьях, с лапками, изъеденными щелоком от стирки, спины сутулые от постоянного перетаскивания лоханей. На плечах и бедрах у Примулы еще после двух недель пребывания у меня не прошли следы от ремня, которым потчевал ее папочка-рыцарь. А у меня они ходили графинюшками: самое тяжелое, что в ручки брали, так это веер; понятия не имели, где здесь кухня. Я их наряжал и увешивал цацками. Своим волшебством нагревал по их желанию воду для жестяной ванны, которую папуля еще для мамы увел из Ассенгарда. Представляешь себе? Жестяная ванна?! Редко у какого графа, да что там, короля есть жестяная ванна! Для них, Геральт, это был сказочный дом. А что до постели... Зараза, невинность в наши дни встречается реже, чем горный дракон. Ни одной я не принуждал, Геральт.

– Но ты подозревал, что кто-то мне за тебя заплатит. И кто бы это мог быть?

– Какой-нибудь стервец, которому покоя не дают те крохи, что остались в моих подвалах, а дочек ему боги не дали, – выразительно произнес Нивеллен. – Человеческая жадность не знает предела.

– И больше никто?

– И больше никто.

Они помолчали, глядя на нервно подрагивающие язычки пламени свечей.

– Нивеллен, – вдруг сказал ведьмак. – Сейчас ты один?

– Ведьмак, – не сразу ответил уродец, – я думаю, мне определенно следует покрыть тебя не самыми приличными словами, взять за шиворот и спустить с лестницы. И знаешь за что? За то, что ты считаешь меня придурком. Я давно вижу, как ты прислушиваешься, как зыркаешь на дверь. Ты прекрасно знаешь, что я живу не один. Верно?

– Верно. Прости.

– Что мне твои извинения. Ты ее видел?

– Да. В лесу, неподалеку от ворот. В этом причина того, что купцы с дочками с некоторых пор уезжают от тебя несолоно хлебавши?

– Стало быть, ты и об этом знал? Да, причина в этом.

– Позволь спросить...

– Не позволю.

Опять помолчали.

– Что ж, воля твоя, – наконец сказал ведьмак, вставая. – Благодарю за хлеб-соль, хозяин. Мне пора.

– И верно. – Нивеллен тоже встал. – По известным причинам я не могу предложить тебе ночлег у себя, а останавливаться в здешних лесах не советую. После того, как округа опустела, тут по ночам неладно. Тебе следует вернуться на тракт засветло.

– Учту, Нивеллен. А ты уверен, что не нуждаешься в моей помощи?

Чудище искоса глянуло на него.

– А ты уверен, что можешь мне помочь? Сумеешь освободить от этого?

– Я имел в виду не только это.

– Ты не ответил на вопрос. Хорошо... Пожалуй, ответил. Не сумеешь.

Геральт посмотрел ему прямо в глаза.

– Не повезло вам тогда, – сказал он. – Из всех храмов в Гелиболе и Долине Ниммар вы выбрали аккурат храм Корам Агх Тэра, Львиноголового Паука. Чтобы снять заклятие, брошенное жрицей Корам Агх Тэра, требуются знания и способности, которых у меня нет.

– А у кого есть?

– Так это тебя все-таки интересует? Ты же сказал, будто тебе сейчас хорошо.

– Сейчас, да. А потом... Боюсь...

– Чего?

Уродец остановился в дверях комнаты, обернулся.

– Я сыт по горло твоими вопросами, ведьмак. Ты только и знаешь, что спрашиваешь, вместо того чтобы отвечать. Похоже, тебя надо спрашивать по-другому. Слушай, меня уже некоторое время... Ну, я вижу дурные сны. Может, точнее было бы сказать «чудовищные». Как думаешь, только коротко, я напрасно чего-то боюсь?

– А проснувшись, ты никогда не замечал, что у тебя грязные ноги? Не находил иголок в постели?

– Нет.

– А...

– Нет. Пожалуйста, короче.

– Правильно делаешь, что боишься.

– С этим можно управиться? Пожалуйста, короче.

– Нет.

– Наконец-то. Пошли, я тебя провожу.

Во дворе, пока Геральт поправлял вьюки, Нивеллен погладил кобылу по ноздрям, похлопал по шее. Плотвичка, радуясь ласке, наклонила голову.

– Любят меня зверушки, – похвалился Нивеллен. – Да и я их люблю. Моя кошка Обжорочка, хоть и сбежала вначале, потом все же вернулась. Долгое время это было единственное живое существо, моя спутница недоли. Вереена тоже...

Он осекся, скривил морду.

– Тоже любит кошек? – усмехнулся Геральт.

– Птиц, – ощерился Нивеллен. – Проговорился, язвы его. А, да что там. Это никакая не новая купеческая дочка, Геральт, и не очередная попытка найти крупницу истины в старых

небылицах. Это нечто посерьезнее. Мы любим друг друга. Если засмеешься, получишь по мордасам.

Геральт не засмеялся.

– Твоя Вереена, – сказал он, – скорее всего русалка. Знаешь?

– Подозреваю. Худенькая. Черненькая. Говорит редко, на языке, которого я не знаю. Не ест человеческую пищу. Целыми днями пропадает в лесу, потом возвращается. Это типично?

– Более-менее, – ведьмак затянул подпругу. – Ты, верно, думаешь, что она не вернулась бы, если б ты стал человеком?

– Уверен. Знаешь, как русалки избегают людей. Мало кто видел русалку вблизи. А я и Вереена... Эх, язви ее... Ну, бывай, Геральт.

– Бывай, Нивеллен.

Ведьмак дал кобыле в бок и направился к воротам. Урод плелся сбоку.

– Геральт?

– Ну?

– Я не так глуп, как ты думаешь. Ты приехал следом за купцом, который тут недавно побывал. С ним что-то случилось?

– Да.

– Он был у меня три дня назад. С дочкой, впрочем, не из лучших. Я велел дому запереть все двери и ставни, не подавал признаков жизни. Они покрутились по двору и уехали. Девушка сорвала розу с тетушкиного куста и приколола к платью. Ищи их в другом месте. Но будь осторожен, это скверные места... Ночью в лесу опасно. Слышно и видно... неладное.

– Спасибо, Нивеллен. Я не забуду о тебе. Как знать, может, найду кого-то, кто...

– Может, найдешь. А может, и нет. Это моя проблема, Геральт, моя жизнь и моя кара. Я научился переносить, привык. Ежели станет хуже, тоже привыкну. А если уж станет вовсе не вмоготу, не ищи никого, приезжай сам и кончай дело. По-ведьмачьи. Бывай, Геральт.

Нивеллен развернулся и быстро пошел к особняку. Ни разу не оглянувшись.

3

Район был пустынный, дикий, зловеще недружелюбный. До наступления сумерек Геральт на тракт не вернулся, не хотел делать крюк, поехал напрямик, через лес. Ночь, положив меч на колени, провел на лысой вершине высокого холма у небольшого костерка, в который то и дело подбрасывал пучки бореца. Посреди ночи далеко в долине заметил свет, услышал шальной вой и пение и еще что-то такое, что могло быть только криком истязаемой женщины. Едва рассвело, он двинулся туда, но нашел лишь вытопанную поляну и обугленные кости в еще теплом пепле. В кроне могучего дуба что-то верещало и шипело. Это мог быть леший, но мог быть и обычный лесной кот. Ведьмак не стал задерживаться, чтобы проверить.

4

Около полудня, когда он поил Плотвичку у родника, кобыла дико заржала, рванулась, оскалив желтые зубы и грызя мундштук. Геральт машинально успокоил ее Знаком и тут же увидел правильный круг, образованный торчащими из мха головками красноватых грибков.

– Ну, Плотва, ты становишься истеричкой, – сказал он. – Ведь нормальный же ведьмин круг. Что еще за сцены?

Кобыла фыркнула, повернувшись к нему мордой. Ведьмак потер лоб, поморщился, задумался. Потом одним махом оказался в седле, развернул коня, быстро поехал назад по собственным следам.

– «Любят меня зверушки», – буркнул он. – Прости, лошадка. Выходит, у тебя больше ума, чем у меня.

5

Кобыла прыдала ушами, фыркала, рыла копытами землю, не хотела идти. Геральт не стал успокаивать ее Знаком, соскочил с седла, перекинул поводья через голову лошади. На спине у него был уже не старый меч в ножнах из кожи ящера, а блестящее красивое оружие с крестовой гардой и изящной, хорошо отбалансированной рукоятью, оканчивающейся шаровым эфесом из белого металла.

На сей раз ворота перед ним не раскрылись, потому что были и без того раскрыты, как он оставил их, уезжая.

Он услышал пение. Не понимал слов, не мог даже разобрать языка. Да это и не нужно было – ведьмак знал, чувствовал и понимал самое природу, сущность пения – тихого, пронизывающего, разливающегося по жилам волной тошнотворного, обессиляющего ужаса.

Пение резко оборвалось, и тут он увидел ее.

Она прильнула к спине дельфина в высохшем фонтане, охватив обомшелый камень маленькими руками, такими белыми, что они казались прозрачными. Из-под бури спутанных черных волос на него глядели огромные, горящие, широко раскрытые антрацитовые глаза.

Геральт медленно приближался мягкими, пружинящими шагами, обходя фонтан полукругом со стороны забора, мимо куста голубых роз. Существо, прилепившееся к хребту дельфина, поворачивало вслед за ним миниатюрное личико, на котором читалась невыразимая тоска, полная такого очарования, что оно заставляло его постоянно слышать пение, хотя маленькие бледные губы не шевелились.

Ведьмак остановился в десяти шагах. Меч, медленно выползая из черных, покрытых эмалью ножен, блеснул над его головой.

– Это серебро, – сказал он. – Клинок серебряный.

Бледное личико не дрогнуло, антрацитовые глаза не изменили выражения.

– Ты так похожа на русалку, – спокойно продолжал ведьмак, – что можешь обмануть кого угодно. Тем более что ты редкая пташка, чернуля. Но лошади не ошибаются. Таких, как ты, они распознают инстинктивно и безошибочно. Кто ты? Думаю, муля или альп. Обычный вампир не вышел бы на солнце.

Уголки белогубого ротика дрогнули и слегка приподнялись.

– Тебя привлек Нивеллен в своем обличье, верно? Сны, о которых он говорил, – твоя работа? Догадываюсь, что это были за сны, и сочувствую ему.

Черноволосяя не пошевелилась.

– Ты любишь птичек, – продолжал ведьмак. – Однако это не мешает тебе перегрызать глотки людям? А? Подумать только, ты и Нивеллен! Хорошая бы вышла парочка, урод и вампириха, хозяева лесного замка. Сразу б подчинили себе все окрест. Ты, вечно жаждущая крови, и он, твой защитник, убийца по заказу, слепое орудие. Но сначала ему надо было стать настоящим чудовищем, а не человеком в маске чудища.

Огромные черные глаза прищурились.

– Что с ним, черноволосая? Ты пела, значит, насосалась крови. Прибегла к последнему средству – стало быть, не сумела покорить его разум. Я прав?

Черная головка легонько, почти незаметно, кивнула, а уголки губ поднялись еще выше. Выражение маленького личика стало жутеньким.

– Теперь, небось, считаешь себя хозяйкой дома?

Кивок, на этот раз более явный.

– Так ты – муля?

Медленное отрицательное движение головы. Послышалось шипение, которое могло исходить только из бледных, кошмарно усмехающихся губ, хотя ведьмак не заметил, чтобы они пошевелились.

– Альп?

То же движение.

Ведьмак попятился, крепче стиснул рукоять меча.

– Значит, ты...

Уголки губ стали приподниматься выше, все выше, губы раскрылись...

– Брукса! – крикнул ведьмак, бросаясь к фонтану.

Из-за белых губ сверкнули острые клыки. Брукса подпрыгнула, выгнула спину, словно леопард, и взвизгнула. Звуковая волна тараном ударила в ведьмака, сбивая дыхание, ломая ребра, иглами боли вонзаясь в уши и мозг. Отскочив назад, он еще успел скрестить кисти рук в Знак Гелиотроп. Чары немного смягчили удар спиной о забор, но в глазах все равно

потемнело, а остатки воздуха со стоном вырвались из легких. На спине дельфина, в каменном кругу высохшего фонтана, там, где только что сидела изящная девушка в белом платье, расплющилось искрящееся тело огромного черного нетопыря, разевающего продолговатую узкую пасть, заполненную рядами иглоподобных снежно-белых зубов. Развернулись перепончатые крылья, беззвучно захлопали, и существо ринулось на ведьмака, словно стрела, пущенная из арбалета. Геральт, чувствуя во рту железный привкус крови, выкинул вперед руку с пальцами, растопыренными в форме Знака Квен, и выкрикнул заклинание. Нетопырь, шипя, резко повернул, с хохотом взвился в воздух и тут же отвесно спикировал прямо на шею ведьмака. Геральт отпрыгнул, рубанул мечом, но промазал. Нетопырь медленно, грациозно, подвернув одно крыло, развернулся, обошел его и снова напал, разевая зубастую пасть безглазой морды. Геральт ждал, ухватив обеими руками меч и вытянув его в сторону нападающего. В последний момент прыгнул – не в сторону, а вперед, рубанув наотмашь, так что взвыл воздух. И снова промахнулся. Это было так неожиданно, что он выбился из ритма и уклонился с секундной задержкой. В тот же миг когти бестии вцепились ему в щеку, а бархатное влажное крыло принялось хлестать по шее. Ведьмак развернулся на месте, перенес вес тела на правую ногу, резко ударил назад... и в третий раз не достал фантастически подвижного зверя. Нетопырь замахал крыльями, взлетел, помчался к фонтану. В тот момент, когда кривые когти заскрежетали по камням облицовки, жуткая, истекающая слюной пасть уже расплывалась, изменялась, исчезала, хотя проявляющиеся на ее месте бледные губки все еще не прикрывали убийственных клыков. Брукса пронзительно, модулируя голос, завывала, уставилась на ведьмака ненавидящими глазами и снова завывала.

Удар волны был так силен, что переборол Знак. В глазах Геральта завертелись черные и красные круги, в висках и темени заломило. Сквозь боль, высверливающую уши, он услышал голоса, стоны и вопли, звуки флейты и гобоя, гул вихря. Кожа на лице занемела. Тряся головой, он упал на одно колено.

Черный нетопырь беззвучно плыл к нему, разевая на лету зубастую пасть. Геральт, хоть и выбитый из колеи волной рева, среагировал автоматически. Вскочил, молниеносно подстраивая ритм движений к скорости полета чудища, сделал три шага вперед, вольт и полуборот и сразу же после этого быстрый, как мысль, удар. Острие не встретило сопротивления. Почти не встретило. Он услышал вопль, но на этот раз – вопль боли, вызванной прикосновением серебра.

Брукса, воя, прилипла к спине дельфина. Немного выше левой груди на белом платье расплывалось красное пятно под рассечкой не больше мизинца длиной. Ведьмак заскрежетал зубами – удар, который должен был располосовать бестию, обернулся всего лишь царапиной.

– Ори, вампириха, – буркнул он, отирая кровь со щеки. – Визжи. Теряй силы. И тогда уж я срублю твою прелестную головку!

– Ты. Ослабнешь первым. Колдун. Убью.

Губы не пошевелились, но ведьмак отчетливо слышал слова, они звучали у него в мозгу, глухо звеня, словно из-под воды.

– Посмотрим, – процедил он и, наклонившись, направился к фонтану.

– Убью. Убью. Убью.

– Увидим!

– Вереена!!!

Нивеллен, наклонив голову, обеими руками вцепившись в дверную коробку, выполз из дома. Покачиваясь, двинулся к фонтану, неуверенно размахивая лапами. Полы куртки были заляпаны кровью.

– Вереена! – снова рявкнул он.

Брукса резко повернула голову. Геральт, занеся меч для удара, прыгнул к ней, но она среагировала гораздо быстрее. Резкий вопль – и очередная волна сбила ведьмака с ног. Он рухнул навзничь, пополз по гравию дорожки. Брукса выгнулась, напружинилась для прыжка, клыки у нее заблестели разбойничьими стилетами. Нивеллен, раскинув лапы, как медведь, пытался ее схватить, но она рявкнула ему прямо в морду, откинув на несколько сажен к деревянным лесам у стены, которые тут же с диким треском сломались, похоронив его под кучей досок.

Геральт, уже вскочив, мчался полукругом, обходя двор, стараясь отвлечь внимание бруксы от Нивеллена. Брукса, шурша белым платьем, неслась прямо на него, легко, как бабочка, едва касаясь земли. Она уже не вопила и не пыталась трансформироваться. Ведьмак знал, что она устала. Но знал и то, что, даже уставшая, она по-прежнему смертельно опасна.

За спиной Геральта Нивеллен, рыча, ворочался под досками. Геральт отскочил влево, завертел мечом, дезориентируя бруксу. Она двинулась к нему, белая, страшная, растрепанная. Он недооценил ее – она снова завопила. Он не успел сотворить Знак, отлетел назад, ударился спиной о стену, боль в позвоночнике пронзила ведьмака, парализовала руки, подсекла колени. Он упал на четвереньки. Брукса, певуче воя, прыгнула к нему.

– Вереена!!! – рявкнул Нивеллен.

Она обернулась. И тогда Нивеллен с размаху вонзил ей между грудей обломанный острый конец трехметровой жерди. Она не крикнула. Только вздохнула. Ведьмак, слыша этот звук, задрожал. Так они и стояли – Нивеллен на широко расставленных ногах, обеими руками державший жердь, конец которой он зажал под мышкой, и брукса, словно белая бабочка на шпильке, на другом конце жерди, тоже ухватившаяся за нее обеими руками.

Брукса душераздирающе охнула и вдруг сильно нажала на жердь. Геральт увидел, как на ее спине, на белом платье расцвело красное пятно, из которого в потоке крови мерзко и странно вылезает обломанный острый конец. Нивеллен крикнул, сделал шаг назад, потом второй и начал быстро пятиться, но не отпускал жерди, таща за собой пробитую навывлет бруксу. Еще шаг – и он уперся спиной в стену. Конец жерди, который он держал под мышкой, скрипнул о кирпичи.

Брукса медленно, как-то даже нежно, передвинула маленькие ладони вдоль жерди, вытянула руки на всю длину, сильно ухватила за жердь и нажала снова. Уже почти метр окровавленного дерева торчал у нее из спины. Глаза были широко раскрыты, голова откинута назад. Вздохи стали чаще, ритмичнее, переходя в стон.

Геральт встал, но, зачарованный тем, что видит, по-прежнему не мог ни на что решиться. И тут услышал слова, гудящие внутри черепа, словно под сводом холодного и мокрого подвала. – Мой. Или ничей. Люблю тебя. Люблю.

Снова страшный, прерывистый, захлебывающийся кровью вздох. Брукса рванулась, передвинулась вдоль жерди, протянула руки. Нивеллен отчаянно зарычал, не отпуская жерди, пытаясь отодвинуть бруксу как можно дальше. Напрасно. Она еще больше переместилась вперед, схватила его за голову. Он пронзительно взвыл, замотал косматой головой. Брукса подтянулась еще ближе, наклонила голову к горлу Нивеллена. Клыки сверкнули ослепительной белизной.

Геральт прыгнул. Прыгнул, как высвобожденная пружина. Каждое движение, каждый шаг, которые следовало теперь сделать, были его натурой, были заучены, неотвратимы, автоматичны и смертельно верны. Три быстрых шага. Третий, как сотни подобных шагов до того, кончился на левой ноге могучим, решительным движением. Поворот туловища, резкий, с размаху удар. Он увидел ее глаза. Ничто уже не могло измениться. Услышал ее голос.

Впустую. Он крикнул, чтоб заглушить слово, которое она повторяла.

Напрасно. Он рубанул.

Рубанул уверенно, как сотни раз до того, серединой лезвия, и тут же, не сбавляя ритма, сделал четвертый шаг и полуоборот. Клинок, в конце полуоборота уже освободившийся, двинулся следом за ним, сверкая, увлекая за собой шлейф красных капель. Волосы цвета воронова крыла заволновались, развеваясь, плыли в воздухе, плыли, плыли, плыли... Голова упала на гравий.

Чудовищ все меньше?

А я? Кто такой я?

Кто кричит? Птицы?

Женищина в кожане и голубом платье?

Роза из Назаира?

Как тихо!

Как пусто. Какая пустота.

Во мне.

Нивеллен, свернувшись клубком, сотрясаемый спазмами и дрожью, лежал у стены дома в крапиве, обхватив голову руками.

– Встань, – сказал ведьмак.

Молодой, красивый, крепко сложенный мужчина с белой кожей, лежавший у стены, поднял голову, осмотрелся невидящим взглядом. Протер глаза пальцами. Взглянул на свои руки. Ощупал лицо. Тихо застонал, сунул палец в рот, долго водил им по деснам. Снова схватился за лицо и снова застонал, коснувшись четырех кровоточащих вспухших полос на щеках. Охнул, потом засмеялся.

– Геральт! Как это? Как это... Геральт!

– Встань, Нивеллен. Встань и иди. У меня во выюках лекарства, они нужны нам обоим.

– Я уже... не... Нет? Геральт? Как это?

Ведьмак помог ему встать, стараясь не глядеть на маленькие, белые, словно прозрачные руки, стиснутые на жерди, торчащей между маленькими грудками, облепленными мокрой красной тканью. Нивеллен застонал снова.

– Вереена...

– Не смотри. Идем.

Они пересекли двор, прошли мимо куста голубых роз, поддерживая друг друга. Нивеллен не переставал ощупывать лицо свободной рукой.

– Невероятно, Геральт. Через столько лет! Неужели это возможно?

– В каждой сказке есть крупица истины, – тихо сказал ведьмак. – Любовь и кровь. В них могучая сила. Маги и ученые не первый год ломают себе над этим головы, но поняли только одно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.